

**АНАТОЛИЙ
ДРОЗДОВ**

Реваншист

2017

Annotation

Окончание первой части. Продолжения не будет.

- [Дроздов Анатолий Федорович](#)
 -
-

Дроздов Анатолий Федорович

Реваншист. Часть вторая.

18.

Следующий год начался с приятных событий. В феврале у меня появилась сестричка. Любовь, как назвали ее родители, родилась в результате кесарева сечения, что не сказалось на здоровье крохи и ее вздорном характере. Внимания к себе она требовала настоятельно, что выказывала громким ревом. Стихала только на руках. Отец с Машей измучились, но выглядели счастливыми. Над дочкой они тряслись. Мне позволили подержать на руках это крикливое чудо. Любаша восприняла это как должное. Снисходительно глянув на старшего брата, она улыбнулась, показав беззубые десны. Наблюдавшие за нами женщины, засюсюкали и попытались сестру забрать. Люба выразила несогласие громким ревом, и от нас отстали. Сестра так и уснула у меня на руках, после чего была транспортирована в кроватку.

- Чувствует родную кровь! - заключил по этому поводу отец. - Они с Сергеем и лицами схожи.

- А вот и нет! - возразила Маша.

Они заспорили; мы с Лилей слушали их и улыбались. Приятно видеть счастливых людей.

В мае появился на свет Тема - Артем Сергеевич Девойно. Извещенная телеграммой из деревни прилетела теща - помогать дочке осваивать материнскую науку. Две женщины попеременно пеленали и купали малыша. Они носили его на руках и пели ему колыбельные. Теме это нравилось. Нрав у него в отличие от тетки, оказался покладистый. Ночью сын спал, днем - тоже, а о себе напоминал, лишь, когда хотел есть или нуждался в смене пеленки. При этом кряхтел как-то по-стариковски, вызывая тем самым умиление у окружающих.

В квартире поселились запахи молока и испачканных пеленок.

Удивительно, но в этой атмосфере отлично работалось. А с пеленками и подгузниками справлялась стиральная машина. В той жизни ее у меня не было. Мы с женой жили мы на съемной квартире, денег не хватало. Грязное детское белье жена сбрасывала в ванну, и я, вернувшись с работы, стирал его до двух часов ночи. Наутро, невыспавшийся, бежал в редакцию. Пару раз засыпал прямо за письменным столом.

Когда теща уехала, я получил, наконец, доступ к сыну. Носил его на руках и рассказывал сказки. Тема смотрел на меня серыми глазенками и благодарно внимал.

- Он же не понимает! - смеялась Лиля. - Маленький еще.

- Не правда! - возражал я. - Видишь, как смотрит? Он умный. В родителей пошел.

В июне Лиля защитила диплом. Государственная комиссия поставила ей "отлично". Кто бы сомневался? Во-первых, жена у меня умница, во-вторых - поэтесса, которая вот-вот вступит в Союз писателей. Члены комиссии это знали. Такими выпускниками факультет гордился. Лиля приехала домой радостная. Пересказала мне комплименты, услышанные от членов комиссии, покормила Тему, а потом взгрустнула.

- Ты что? - удивился я.

- Эти стихи написал ты...

- Мы с тобой, - возразил я. - Как и это, - я взял со стола номер "Нового мира". - Без тебя я бы не пробился. У нас с тобой все общее - даже сын.

Лиля засмеялась. Тема тоже заулыбался и выпустил молочный пузырь.

Роман "Сержант - князь" "Новый мир" опубликовал в мае. Наровчатов подстраховался и провернул две хитрые комбинации. Для начала он направил роман для одобрения в Главное политическое управление Советской Армии и Военно-Морского флота. Ведь в нем резвился сержант-десантник. В ГлавПУРе роман согласовали без вопросов. Главный герой вел себя в прошлом как надлежит советскому военнослужащему и комсомольцу. В тексте это подавалось с долей иронии, но в ведомстве Епишева ее не заметили. Интеллект не являлся сильной стороной политруков. После ГлавПУРа Наровчатов отдал роман в Главлит. Там было прицепились к подробному описанию тактико-технических характеристик советского оружия. Этот элемент был введен мной осознанно. В моем времени пацаны, как подростки, так и убеленные сединами, будут глотать эти куски, пуская слюни. Главлиту Наровчатов предъявил одобрение армии, и тот увял. Военные знали, что ничего секретного в моих описаниях нет. Это оружие поставлялось на экспорт в десятки стран, и его характеристик разве что на заборах не писали.

Еще роману предпослали предисловие. Написал его сам Рыбаков. Похвалив автора за отменное знание средневековой Руси - еще бы! по вашим книгам, Борис Александрович учили! - он заметил, что сюжет романа - фантазия. Исправить прошлое - увлекательная идея. Однако история не знает сослагательного наклонения. "Вместе с тем такие книги полезны, - заключил Борис Александрович. - Они пробуждают у советских граждан интерес к прошлому".

Предисловие не помогло - роман вызвал споры. Слишком необычным для этого времени выглядел сюжет. Критики упрекали автора за легковесный подход. Советовали учиться у классиков: Шолохова, Алексея Толстого, который Николаевич, Тынянова и других. Критикам возразил Пикуль. Валентина Саввича самого за легковесность долбали. В спор вмешалась "Литературная газета". Автора романа пригласили к разговору. В беседе с критиком он выказал свое видение будущего исторической литературы. Если кратко, то звучало оно так: о прошлом нельзя писать скучно. Исторический роман должен пробуждать у читателей интерес и гордость за свою страну.

Возразить против этого было трудно, и критики увяли. Публикация в "Новом мире" и интервью в "Литературке" вывели меня в первый ряд писателей - тех, чье имя на слуху. Но куда больше радовала реакция читателей. В библиотеках за журналом записывались в очередь, в "Молодой гвардии" готовили книгу. Я получил предложение и от "Роман-газеты". На "Мосфильме", как сообщил Меньшов, планировали экранизацию романа. Владимир Валентинович при встрече со мной лучился. Съемки "Экстрасенса" прошли успешно. Киношники выезжали за границу, что для них - праздник. Возможность посмотреть мир, да и командировочные в валюте... На студии просмотрели рабочий материал. Как сообщил Меньшов, остались довольны. Режиссер работал над монтажом, премьера фильма ожидалась осенью.

Из Германии пришли добрые вести: сказку приняли. В феврале Минск прилетел переводчик. Звали его Гельмут Штайн. Русским Штайн владел в совершенстве. Не удивительно: мать Гельмута происходила из эмигрантов. В 1918 году ее родители уехали из России. Дочь они воспитали в любви к Родине, та перенесла это на сына. С пяти лет Гельмут читал Пушкина в оригинале. В Минск он прилетел скорее из любопытства, чем по работе - в моих пояснениях нужды не было. Поселился Штайн в гостинице "Юбилейная", где мы и встретились.

- Откуда вы знаете немецкую школу? - поинтересовался Гельмут. - Для писателя из СССР это странно.

- Общался с немецкими учениками, - соврал я. - Приезжали в Минск на "поездах дружбы".

А что, было. Даже Ангела Меркель, будучи школьницей, ездила в СССР. В поощрение за успехи в русском языке.

Переводчик кивнул. Поезда, ясен пень, отправлялись из ГДР, но школы-то одинаковые. Откуда знаю? В той жизни мои друзья-немцы любили вспоминать детство. Происходило это за рюмкой шнапса или кружкой пива. Немцы - нация сентиментальная. Они говорили, а я слушал...

- Я переводил русских писателей, - продолжил Гельмут, - но ни с кем не работалось так легко. Текст ясный, трудных мест почти нет.

Ну, так для Германии писано. Лилю я особо предупредил: без заковыристых метафор! И переводчику легче и читателю понятнее.

В Минске Гельмут не задержался. Нагрузившись сувенирами, отбыл во Франкфурт. На прощание мы выпили по рюмке бурякового, закусили салом - и то и другое привело Гельмута в восторг - и я проводил гостя в аэропорт. К маю сказку сдали в набор. Летом роман "Курт - маленький маг" вышел из типографии. Об этом сообщил Циммерман, позвонив мне по телефону. Говорил с восторгом. Первоначально тираж книги определили в 10 000 экземпляров. В последний миг его увеличили втрое - сказало мнение переводчика. Но и эти тысячи разлетелись в считанные дни. В книжных магазинах стояли очереди, типографии работали на полную силу. Новинкой заинтересовались за рубежом. S. Fischer Verlag вело переговоры с голландцами. На горизонте маячили англичане.

- Герр Девойно! - умоляющим тоном попросил Циммерман. - Очень нужно продолжение. Пожалуйста!

- Условия? - поинтересовался я.

- Тридцать процентов! Более того, мы готовы пересмотреть прежний договор в сторону увеличения вашей доли.

Кто б сомневался? При большом тираже себестоимость экземпляра снижается в арифметической прогрессии. Знай, подсчитывай прибыль! Почему бы не отстегнуть курочке, несущей золотые яйца?

- Сделаю, - пообещал я. - К Новому году

- Я могу надеяться?

- Можете, - заверил я.

- Жду вас на выставке, - сказал Циммерман. - С ВААП я поговорю.

ВААП нарисовался сам. Мне позвонили из Москвы и попросили прибыть. Настоятельно. Я вылетел в столицу. Панкин встретил меня хмуро.

- Знаешь, каким тиражом вышла в Германии твоя сказка? - спросил,

кивнув мне на стул. - Полмиллиона экземпляров! Данные на начало сентября.

- Это же замечательно!

- Как сказать... - Панкин побарабанил пальцами по столу. - Вот что, Сергей. Твою долю гонорара издательство переводит в немецкий банк. Хотя принято - во Внешторг. Обычно мы закрываем на это глаза. Немного валюты на подарки родным... Но в твоём случае - сотни тысяч марок. Не за горами миллион. Там, - он указал пальцем вверх, - этого не поймут. Тебя сделают не выездным, и ты не сможешь воспользоваться этими деньгами. Так что совет: переводи марки во Внешторгбанк.

Ага, сейчас! Взамен мне выдадут гору чеков. И что дальше? Затариваться в "Березках"? Мне не нужно столько тряпья. Ну, куплю "Волгу" - себе и отцу, одежду и прочие ништяки родственникам. А дальше? Спекулировать дефицитом? Уголовная статья. Да и зачем? Советских денег у меня завались.

- Эти марки, Борис Дмитриевич, пойдут на благое дело.

- Перечислишь в Фонд мира? - оживился он.

Еще чего! Нет, Фонд - организация полезная. Но одно из направлений его деятельности - возведение памятников советским воинам за рубежом. Тех, которые будут сносить.

- У меня другой план.

- Поделись! - потребовал он.

Я рассказал.

- М-да, - качнул он головой. - Идея благородная, ничего не скажу. Но могут не понять.

- Это отчего? - возразил я. - Три года назад за рубежом создан Фонд Солженицына. Туда поступают гонорары за книгу "Архипелаг ГУЛАГ". Средства Фонда используются для помощи политическим заключенным в СССР и их семьям. Якобы. На самом деле - для вскармливания диссидентов, проще говоря, врагов. Моя сказка, как и "Архипелаг", издана за границей. Но гонорар за нее пойдет тем, кто защищал Родину, а не ее врагам. Это заставит прогрессивное человечество за рубежом сделать выводы в отношении Солженицына и проводимой им против СССР кампании. Проще говоря, мы макнем его мордой в грязь. Считаю это политически правильным.

- Хм! - он внимательно посмотрел на меня. - Ты необычный парень, Сергей. Но не все так просто. Солженицын в за рубежом в почете. Он боевой офицер, воевал. А затем подвергся политическим репрессиям.

- Не он один. Многим пришлось хуже. Рокоссовскому выбили зубы,

ломали ребра, били молотком по пальцам ног. Мерецкову ссали на голову. Палачи из НКВД пытали генерала Горбатова... У этих офицеров было куда больше причин затаить злобу против СССР. Но они переступили через обиду и отважно сражались. Как тысячи других. В этой связи вопрос: кто из пострадавших от репрессий патриот, а кто - гнида болотная?

- Однако! - покачал Панкин головой. - Умно. И как там, - он вновь указал пальцем наверх, - до этого не додумались?

Как, как.... В том времени в СССР ходил популярный анекдот. Сообщение радио: "Сегодня в девять часов утра, после тяжелой и продолжительной болезни, не приходя в сознание... приступило к работе Политбюро ЦК КПСС".

- Помощь нужна? - спросил Панкин.

- Да, - сказал я. - Было неплохо получить от вас письмо с одобрением инициативы.

- Будет! - пообещал. - Но вначале напиши заявление на мое имя. Сообщи в нем, что собираешься сделать с марками.

Я кивнул. Мне протянули листок бумаги и продиктовали текст. Я внес в него маленькую правку. Вместо "гонорары, полученные за рубежом", вписал: "в Германии". Панкин не обратил на это внимания. Не придавал значения. Вот и ладно. Гонорар за проданные в Германии книги я отдам. Он изначально предназначался для этой цели. Но подушку безопасности оставлю. Хрен знает, как все повернется. О том, что сказка планируется к изданию в других странах, Панкин не знает. И не будет знать.

- В Германию полетишь один, - сказал Панкин, спрятав заявление в ящик стола. - В этот раз делегации не будет. Заграничный паспорт у тебя есть, с визой поможем.

Я поблагодарил. Все ясно. Не подмахни я это заявление, хрен бы мне был, а не поездка. Мой знакомый в том времени говорил: "Бумага не палка, но опереться на нее можно". Заявление - индульгенция для Панкина. Случись что, он его предъявит и сделает большие глаза. "Девойно ехал, чтобы перевести деньги в Союз. Знать не знаю, почему сбежал. Вот же, гад!"

Сбегать я не собирался. У меня в Минске жена и сын. В своем времени я читал байки о заграничных поездках в СССР. Дескать, выпускали группами и под контролем искусствоведов в штатском. Отчасти так. Но... Высоцкий к Марине Влади летал в сопровождении КГБ? В одиночку из СССР выезжали дипломаты, специалисты по внешней торговле, деятели искусства и многие другие. Невозможно проконтролировать всех. Поэтому поступали так. Человек съездил за границу и вернулся без проблем, значит,

надежный. Дома остается семья - не убежит. Бывал за границей неоднократно - совсем наш. Главное, не болтать лишнего по возвращению. Как сладко живут на загнивающем Западе, и сколько у них сортов колбасы в магазинах...

В этот раз в Шереметьево меня досмотрели. Ничего лишнего не нашли. Нет, икра была - две маленькие баночки. Водка - одна бутылка, коньяк "Двин" - одна. Все по нормам. А зачем мне контрабанда? У меня в Германии счет в банке.

В аэропорту Франкфурта меня встретил сам Циммерман.

- Сувенир из загадочной России! - сказал я, вручая ему пакет с коньяком и икрой.

- Любите вы пошутите, Серж! - рассмеялся он. - Хотя ваш коньяк хорош. Я поверил, что его пил Черчилль.

- Мне нужно верить, - заметил я. - Я честный.

Циммерман заулыбался и потащил меня к машине. По пути я рассказал о своей идее.

- Вы - гений, Серж! - отреагировал Циммерман. - Никто из писателей не додумался отдать гонорар на доброе дело. И какой гонорар! Теперь немец, покупая книгу, будет знать, что жертвует на доброе дело. Вы знаете немецкую душу, - он погрозил мне пальцем. - Коллосаль! Продажи возрастут в разы.

"Только автору от этого ни горячо, ни холодно, - подумал я, - денег он не увидит". Вслух этого я говорить не стал. У Циммермана свои интересы, у меня - свои.

- Вы не правы, - возразил я, - насчет "не додумался". Есть прецедент: Солженицын и его "Архипелаг".

- Это политика, - он пренебрежительно скривился. - Никто не знает, как пополняется этот фонд и как он расходуется. У нас будет прозрачно. В любой миг предоставим отчет и банковские документы. - Кстати, - Циммерман вручил мне чековую книжку. - Пока фонд не создан, купите себе чего-нибудь. Счет в вашем распоряжении.

- Данке! - поблагодарил я.

Бросив вещи в гостинице, я отправился к Байеру. Он ждал. Перед отъездом я позвонил ему из Минска, затем - из номера.

- Комплимент из Минска! - сказал я, вручая ему пакет.

- Благодарю! - сказал он, рассмотрев подарок. - Чувствуется, что вы русский. Водка и икра.

- Предпочитаете свиную рульку?

- Что вы! - засмеялся он. - В моем возрасте жирное есть вредно. У

меня к вам просьба. Не могли бы подписать книги внучке? Она поклонница вашего таланта. Узнав, что прилетаете, рвалась познакомиться. Еле отговорил.

- Давайте! - сказал я, доставая ручку.

Байер достал из-под прилавка "Экстрасенса" и "Курта". Я спросил имя внучки и подписал обе книги - сначала по-русски, затем по-немецки.

- Гут! - сказал Байер, прочитав. - Она будет в восторге. Еще никто в Германии не имеет автографа Девойно. Так что она первая. Подружки умрут от зависти.

- Завтра у меня автограф-сессия на выставке, - сказал я. - Начало в десять часов. Пусть приходят.

Байер кивнул и спрятал книги.

- По телефону сказали, что хотите поговорить. О чем?

- О деле.

- Каком?

- Я предлагаю вам возглавить благотворительный проект.

- Хм! - пожевал он губами. - А подробно?

- Вы специалист по производству средств реабилитации для инвалидов. Изготавливаете костыли, коляски, протезы. Я хочу организовать подобное производство в Минске. Немецкое оборудование и, на первых порах, материалы. Затем, надеюсь, станем выпускать свои. Нужно подобрать номенклатуру оборудования, обучить специалистов из СССР и организовать поставки.

- Кто будет за это платить?

- Я.

- Вы так богаты?

- Мои книги хорошо продаются. На банковском счету - около семисот тысяч марок. К новому году будет миллион.

- Это хорошие деньги, - кивнул он. - Но их мало. Сколько у вас инвалидов?

- Точную цифру не знаю, но многие тысячи.

- Тем более, - сказал Байер. - Протез не массовое производство, поэтому дорог. Много ручного труда. Вашей фрау его подгоняли?

- Да, - сказал я. - Но совсем немного. Мастер легко справился. Она в восторге. Протез легкий и удобный. Она стала больше ходить. Именно это навело меня мысль изготавливать протезы по немецкой технологии.

- А что заставляет вас за это платить?

Взгляд Байера стал пронзительным. Не прост старичок, ох, не прост. Врать нельзя.

- Гражданину СССР нельзя иметь счет за границей, тем более с такой суммой. Мне уже предложили перечислить марки в советский банк. Их направят в бюджет, затем потратят на закупку какого-нибудь тряпья. Пусть лучше - на благое дело.

Он кивнул.

- Рад, что вы откровенны со мной. У вас кто-нибудь воевал?

- Отец. Дошел до Кенигсберга, где был тяжело ранен. К счастью, не инвалид.

- Что ж, герр Девойно, - сказал Байер, - мне нравится ваш проект. Предлагаю обсудить детали за кружкой пива.

- Не откажусь, - поддержал я.

На следующий день я понял, как живется популярным артистам. За автографом писателя Девойно явилась толпа. Хвост очереди струился по залу, выползал из дверей и терялся на площади. Если бы не охрана, меня бы смели. Охранники регулировали движение и не позволяли читателям задерживаться у стола, где сидел автор. Я работал как автомат.

- Наме?

- Лизхен.

"Лизхен от автора". Подпись.

- Наме?

- Фриц.

"Фрицу..."

Через пару часов у меня стала отваливаться рука. Ситуацию спас Циммерман, выглянув из кабинета.

- Майн либен дамен унд херен! - обратился он к читателям. - Герр Девойно устал. Столько желающих... - он провел вдоль очереди рукой. - Позвольте нашему уважаемому гостю передохнуть и пообедать. После этого он продолжит.

К моему удивлению, очередь не взроптала. Никто не крикнул: "Да что это такое? Я тут два часа стоял!" Немцы дисциплинированно разошлись. Я нырнул в кабинет к Циммерману.

- Зачем вы это устроили? - набросился на редактора внутри. - Вы, что, объявление по телевидению давали?

- Нет, - покачал он головой. - О вашей автограф-сессии было сообщено наряду с прочими мероприятиями. Но люди узнали и пришли. Это слава, герр Девойно. Так что примите ее как должное. Тем более что это идет на

пользу продажам. Автограф-сессию снимали журналисты, завтра это появится в газетах. Все как нельзя лучше. Идемте в ресторан! Я приглашаю.

За обедом к нам присоединился Байер. Вчера я пообещал свести его с Циммерманом. Попросил отыскать нас на ярмарке. Он и отыскал. Заглянув в ресторан, Байер направился к нашему столику. Я представил его Циммерману.

- Так вы и есть тот врач, с которым наш гость создает фонд? - обрадовался редактор. - Присаживайтесь, герр Байер! Нам есть, что обсудить.

К моему удивлению разговор не затянулся. К концу обеда мы обо всем договорились. Благотворительный фонд "Дина" (название предложил я) возглавил попечительский совет из трех человек: меня, Циммермана и Байера. Последнего избрали председателем совета - единогласно. Кандидатуру предложил я, Циммерман кивнул. Байер заулыбался и расправил плечи.

- Завтра в одиннадцать пресс-конференция, - сказал Циммерман. - На ней объявим о создании фонда. Вас, герр Байер, прошу присутствовать.

- Натюрлих! - кивнул врач...

Его выступление на конференции сломало ход разговора. Журналисты явились в пресс-холл, чтобы поговорить с модным писателем. Расспросить о книге, поинтересоваться планами. Но Циммерман решил вначале объявить о фонде. Затем дал слово Байеру.

- Было время, когда мы с русскими смотрели друг на друга сквозь прорезь прицела, - сказал тот. - Это были страшные годы. Миллионы погибших, разрушенные города... Русские солдаты, в помощь которым мы создаем фонд, сражались за свою Родину. Не они напали на нас, а мы - на них. В той войне они победили. Но, войдя в Германию, не стали мстить, хотя имели на это право. Они кормили гражданское население и давали ему работу. Я провел в русском плену восемь лет. Меня не били и не унижали, как и других немецких солдат. От нас требовали лишь восстановить нами же разрушенное. Когда мы сделали это, нас отпустили. Я до сих пор помню русских женщин, приходивших к лагерю и приносивших нам хлеб. У многих из них на войне погибли мужья и дети. Но они не испытывали к нам злобы. Наоборот, помогали нам выжить. Теперь мы можем вернуть русским долг. Я призываю всех честных немцев внести свой вклад в дело помощи инвалидам в СССР. Со своей стороны обязуюсь перечислить в фонд "Дина" пятьдесят тысяч марок.

Я едва усидел. Ну, дед! А я думал, что он любви к делу.

- Издательство, в свою очередь, перечислит полмиллиона, - подхватил Циммерман. - Разумеется, частями, по мере продажи книги. Герр Девойно передает в фонд все полученные за нее гонорары. Это около миллиона марок. В дальнейшем сумма возрастет. Могу заверить, что средства фонда будут потрачены строго на уставные цели. Мы будем публиковать отчеты. Желающим предоставим копии банковских документов. Призываю всех честных немцев присоединиться к нашему начинанию.

Новость взбудоражила журналистов, посыпались вопросы. О книге забыли. Лишь один журналист поинтересовался продолжением "Курта". Я сообщил, что оно непременно будет, и получил благодарный кивок. Остальная аудитория спрашивала о фонде. Почему его так назвали? Я рассказал. История русской медсестры, которой немецкий врач сделал протез, аудитории понравилась. Как и тот факт, что большинство голосов в правлении фонда будет принадлежать немцам. Именно они будут решать, как тратить средства. В зале установилась доброжелательная атмосфера. Так продолжалось с полчаса, пока не вылезла эта паскуда. Она только встала, как я почувствовал тревогу.

- Сусанна Кляйн, - представилась носатая брюнетка. - Корреспондент газеты "Зюддойче цайтунг".

- Очень приятно, - сказал я. - Как поживает герр Бильдерлинг?

Лица журналистов украсили усмешки. Прошлогоднюю пресс-конференцию не забыли.

- Спасибо, хорошо, - сказала Кляйн. - Сразу предупреждаю, я не собираюсь приближаться к вам, герр Девойно. Меня вы не загипнотизируете. Я не хочу крутить головой.

- Зря, - сказал я. - Вашему коллеге понравилось.

Аудитория засмеялась. Брюнетка зло зыркнула.

- Я, как и мой коллега, придерживаюсь мнения, что вы, герр Девойно, проект КГБ. Книжки, что выходят в Германии под вашим именем, написали там. Поэтому они так популярны.

- Я передам "кей джи би" ваш комплимент, - кивнул я. - Там оценят. Можете рассчитывать на лучшее место на нарах. Плюс дополнительный сухарь к ужину.

Шутка на грани фола, но аудитория ее оценила. Журналисты заулыбались.

- Вы мне угрожаете? - вскинулась девица.

- Завидую. Мне такого не перепадет.

В зале захохотали. Журналистское сообщество корпоративное. За коллегу, преследуемого властью, горячо вступится. Но над глупостью

посмеются. Кляйн топнула ногой.

- Я знаю, что вы мастер вести дискуссию, герр Девойно. Вас этому хорошо обучили. Но я продолжу. Почему я придерживаюсь мнения, что вы проект КГБ? Три года назад СССР выслал писателя Солженицына. На Западе он создал фонд, куда поступают гонорары от издания книги "Архипелаг ГУЛАГ". Эти средства идут в помощь советским гражданам, пострадавшим от политических репрессий. Это удар по имиджу СССР. Не удивительно, что там встревожились. И вот появляетесь вы. Публикуете книгу, которая завоевывает сердца немецких читателей. Создаете фонд, куда направляете гонорары от своих книг. Но Солженицын отказался от гонораров за "Архипелаг", поскольку написал эту книгу на основе писем и рассказов бывших заключенных. Поэтому счел себя не вправе пользоваться этими деньгами. Вы же утверждаете, что писали сами. Я ни за что не поверю, что автор, положивший много труда на сочинение книги, с легкостью отдаст гонорар в какой-то мутный фонд. Который, по моему мнению, создан с одной целью - дискредитировать Солженицына и его борьбу против тоталитаризма в России.

Девушка окинула притихший зал победным взором и села. Млять! Умная, стерва! И что ответить? А надо. Вон как на меня смотрят.

- Во-первых, фрау...

- Фройляйн! - поправила журналистка.

- Фройляйн Кляйн, ситуация, когда советский писатель жертвует крупные суммы на благотворительные нужды, не редкость. В качестве примера могу привести Шолохова, который свою Нобелевскую премию отдал на строительство школы в станице Вешенская.

- Неудачный пример! - вскочила девушка. - Шолохов не писал "Тихий дон". Он его украл.

- Так считает герр Солженицын и подобные ему. Почему, понятно. Их жалкая писанина не идет в сравнение с прозой Шолохова. Насчет "Тихого дон" Шведской академией наук было проведено специальное исследование. Оно убедительно доказало авторство Шолохова. Кстати, еще в 30-е годы в СССР специальная комиссия, созданная правительством, разбирала донос, в котором утверждалось, что Шолохов украл рукопись у покойного писателя Крюкова. Комиссия пришла к аналогичному выводу. Тему закрыли. И вот сейчас вытащили это грязное белье. Почему, ясно. Солженицын использует любой повод для очернения СССР.

- У него на это есть основания! В России он подвергся репрессиям.

- Как и тысячи других, фройляйн. В истории моей страны есть черные страницы. Как, впрочем, и в Германии. Здесь тоже существовали лагеря,

куда помещали противников режима.

- Послевоенная Германия это осудила!

- Как и моя страна. После смерти Сталина начался пересмотр дел осужденных по политическим мотивом. Подавляющее большинство их реабилитировали. Как и Солженицына.

- Но он перенес тяжелейшие страдания! Когда я читала "Архипелаг", то, не могла сдержать слез.

- Читатели моих книг, фройлян, говорили мне то же.

- Как можно сравнивать?

- Почему нельзя? Вы сами сказали, что "Курт" - ответ Солженицыну. Моя книга - сказка. Следовательно, и "Архипелаг" - тоже.

Аудитория оживилась.

- Солженицын написал "Архипелаг" на основе воспоминаний заключенных!

- В моей стране есть поговорка, фройлян. Она звучит так: "Никто так не врет, как очевидец". Ни один серьезный историк не воспринимает воспоминания как вызывающий доверия источник. Мемуаристам свойственно преувеличивать события и приукрашивать свое участие в них. Обратимся к биографии Солженицына. Его осудили за критику Сталина в письмах к другу. Сегодня это кажется дикостью. Но вспомним обстоятельства того времени. Шла война - тяжелая и кровопролитная. Офицер действующей армии в письме осуждает главнокомандующего. В реалиях того времени - вопиющая нелояльность, от которой до измены один шаг. Хочу обратиться к аудитории. Есть здесь люди, служившие в рядах Вермахта в войну?

- Я! - поднял руку молодой журналист. - Правда, не воевал. Не успел - американцы наступали быстро. Нас захватили врасплох.

- Но нравы и обычаи того времени знаете?

Немец кивнул.

- Что стало бы с немецким офицером, выскажи он в письме критику в адрес Адольфа Гитлера?

- Штрафной батальон, - ответил журналист, подумав. - Это в лучшем случае. В худшем...

Он вытянул руку и изобразил, как нажимает на спуск пистолета.

- Вот так, майн либен дамен унд херен. Разве Солженицын не знал, что письма военнослужащих просматривает цензура? Знал. Но апломб, который ему свойственен, заставил забыть об опасности. Солженицын считает себя мессией, призванной спасти мир. Это его право. Кто мы, чтобы судить этого великого человека?

По аудитории пробежал смешок.

- А теперь вернемся к его биографии. Солженицына не направили в штрафной батальон. К слову, максимальный срок пребывания в нем в СССР был установлен в три месяца. Штрафник, получивший ранение, освобождался от наказания. А вот в Вермахте было не так. В штрафники оправляли бессрочно, по ранению не освобождали. Это штрих к так называемому "бесчеловечному" советскому режиму, который клеймит "Архипелаг". Пойдем дальше. Наказание Солженицын отбывал в привилегированных условиях так называемой "шарашки". То есть занимался научными исследованиями. Но там он поругался с начальством, которое, по его мнению, не ценило столь ценного работника. В результате был отправлен в обычный лагерь, где заболел раком. И вот этого, с точки зрения советской власти, врага стали лечить и вылечили. Поступили бы так в нацистской Германии?

Я обвел аудиторию взглядом. Ответом было молчание.

- После отбытия заключения Солженицын работал учителем в школе. Врага государства допустили учить детей! Как же так? Наверное, не все в СССР было так плохо. Затем Солженицына освободили от наказания, а впоследствии реабилитировали. Он пишет повесть "Один день Ивана Денисовича" о лагерных временах. Ее принимают к публикации в ведущем журнале страны, а потом и вовсе выдвигают автора на получение Ленинской премии - самой почетной в СССР. Скажу больше: получи Солженицын эту премию, мы бы имели в его лице горячего защитника советской власти. Но вышло иначе. Солженицын обиделся. В результате - "Архипелаг ГУЛАГ".

Я сделал паузу. Закончим.

- В какой-то мере вы правы, фройлян. Мой фонд - ответ Солженицыну. Я считаю, что он, как солдат, должен был позаботиться о камрадах. О тех, с кем ходил в бой, делил последний сухарь и глоток водки. И кому не повезло сохранить руки или ноги после тяжелого ранения. Солженицын выбрал иной путь. Раз так случилось, то я его заменю. Почему, спросите вы? Мой отец воевал. Сначала - в партизанском отряде. После освобождения Белоруссии был призван в Красную Армию. Дошел до Кенигсберга, где был тяжело ранен. Нет, он не инвалид. Но есть тысячи других, которым повезло меньше. В СССР их ценят и уважают. Лечат, делают протезы за счет государства. Но они хуже немецких. В этом отношении мы отстаем от Германии. Разумеется, я мог бы обратиться с письмом к правительству, указав на этот факт. Думаю, меня бы поняли. Но государственная машина крутится медленно, а время уходит. И я буду счастлив, если смогу

облегчить нашим ветеранам их последние годы. У меня все.

Некоторое время в зале стояла тишина. Затем раздались хлопки. Я скосил взгляд. Немолодой корреспондент, встав, бил в ладоши. Его поддержали - сначала робко, а потом все живее. Через мгновение аплодировала вся аудитория - стоя. Среди хлопающих я, к своему удивлению, разглядел и Кляйн. Нет, немцы - все же странная нация. Или я плохо ее знаю?

19.

Домой я поехал на машине. Где взял? Купил. У меня, что, денег нету? Для чего машина? А образцы будущей продукции мне на горбу переть? Сначала из Франкфурта в Шереметьево, затем - в Минск? Даже появись такое желание, рук у меня всего две. А надо шесть. Я не человек-паук. Так что я отправился в автохаус и приобрел новенький "Фольксваген Пассат В1" темно-синего цвета в кузове универсал. Модель была рейстайлинговая, с прямоугольными фарами и пластиковыми бамперами. В 1980-й ей на смену придет В2, прозванная в Белоруссии за характерный корпус "крокодиллом", а сам "пассат" на долгие годы станет излюбленной иномаркой белорусов, особенно, версия В3 с двигателем "дизель". Почему? Машина простая, как грабли, самому не сложно отремонтировать. К тому же солярки в сельской местности завались - вся колхозная техника на ней ездит. Сунул трактористу пузырь - и заливай полный бак. Качество? Сожрет, немчура! Дизтоплива в 90-х воровали столько, что колхозам его стали отпускать красного цвета. Типа, побоятся красть, а милиция отследит. Ага. Чтобы потомки партизан да побоялись красного? К тому же у милиции свои "дизели". Они, что, не люди? Проблему разрулили сами "пассаты". У них начали выходить из строя топливные насосы. Солярка в колхозах грязная - как ее там хранят? Трактор-то скушает и не подавится, а вот нежный "немец"... Новый топливный насос стоил столько, что впору пить валидол. Так вот и рассосалось.

"Дизель" брать я не стал. В СССР его сложно отремонтировать, да и шумный. Это не BMW из моего времени, у которого мотор "шепчет". "Пассат" - бюджетный автомобиль, в этом времени, конечно. Это потом "Фольксваген" станет мудрить. Я выбрал самый мощный бензиновый движок объемом в 1,6 литра. Пуля! Сарказм, если кто не понял.

В магазине Байера я загрузил "пассат" образцами, за которые честно заплатил. Дед попытался возразить, но я настоял. И без того развел его на пятьдесят тысяч марок. Я-то думал, что Байер возглавит фонд из любви к

делу, а вышло вон как.

Затем я проехался по магазинам и взял курс на восток. "Пассат" бодро тащил меня по шоссе. Я не гнал. Во-первых, машина нагружена, во-вторых, новая. Мотор следует обкатать. Полицейских я не боялся - документы в порядке. Купчая на авто, страховка, транзитные номера, даже права есть. Загодя получил, и даже без блата. В 90-х мои друзья гоняли авто, показывая немцам комсомольский билет. Как выглядят советские права, "дойчи" не представляли. В Польше - и того проще. Дал полицаям по пачке "Мальборо" - и хоть танк гони. Вначале прокатывало. Позже немцы поумнели, а поляки стали корыстнее. Меньше 10 марок не брали...

К пограничному КПП Бреста я подкатил ближе к вечеру. Очереди не было - осень, туристский сезон кончился. Пограничник унес мой паспорт, подошел таможенник. Вид "пассата", груженого до потолка, да еще со сложенными задними сиденьями вызвал у него нездоровый азарт.

- Что везем?

- Образцы продукции, - сказал я.

- Какой?

Я поднял заднюю дверь и снял крышку с картонной коробки. У таможенника поползла вниз челюсть.

- Это что? - ткнул он пальцем.

- Протезы.

- Для чего?

- Чтобы ходить.

- Кому?

- Инвалидам. Для них же эти коляски и костыли.

- Я посоветуюсь, - промямлил таможенник и убежал с документами. Обратно явился минут через пять. Перед ним топал пузан в форменном пиджаке и фуражке. Начальник, даже гадать не нужно. Пузан заглянул в ящик, потыкал пальцем в протезы и впал в задумчивость.

- Надо будет досмотреть, - выдал вердикт. - Тщательно.

Я мысленно выругался. Сейчас сломают образцы. Мне их людям показывать. И каким!

- Моя фамилия Девойно, - сказал я, - Сергей Александрович. Вам не сообщили?

- Что? - удивился таможенник.

- Насчет меня?

- Нет.

- Разгильдяи! - ругнулся я. - Бездельники! Ну, только приеду! Вот что, товарищ...

- Игорь Петрович, - подсказал пузан.

- Мне нужно позвонить. Вертушка у вас есть?

Он замотал головой. Разумеется, нет. "Вертушку", он же правительственный телефон, ставят большим начальникам. Пузан в эту категорию не входил.

- Можно по городскому, - согласился я. - Но придется набрать код Минска. Лучше вы сами. Служба есть служба, лучше убедиться лично. Наберете номер, ответит адъютант. Представьтесь, попросите соединить с генералом. Его зовут Петр Фомич. Обращаться лучше по имени-отчеству, у нас не любят званий. Спросите, знает ли он Девойно. Вот! - я достал из кармана записку Дюжева и протянул ее таможеннику.

Пузан глянул на цифры, и лицо его вытянулось. Дюжев, по доброте душевной, вписал мне и номер "вертушки". Хороший такой, трехзначный. В местных реалиях - Олимп. Пузан завис. Я его понимал. Одна программа в мозгу требовала досмотреть багаж странного путешественника. Другая подсказывала: "Уймись! Тебе это надо? Парень явно из КГБ. Разговаривает подчеркнуто вежливо, но взгляд стальной. И шрам на лбу... Возвращается с задания, это к гадалке не ходил. Удостоверения не показал, так он же из-за границы едет. Туда их не берут. Наверняка агент. Добыл что-то секретное и везет в протезах. Если вытащить и рассмотреть... До конца жизни оленей в тундре пасти будешь. Позвонить генералу? Чтобы мной заинтересовались?"

- Обращаю ваше внимание, Игорь Петрович, - помог я, - документы у меня в полном порядке. На каждую вещь есть чек или купчая. Там, - я указал в сторону границы, - с этим строго. Я три таможни прошел, ваша четвертая. Если бы не дай бог... У вас может возникнуть вопрос: за что купил? Вот! - я вытащил из сумочки чековую книжку. - В Германии у меня счет в банке. Совершенно легальный.

Я подмигнул.

- Все в порядке! - тряхнул головой пузан и повернулся к подчиненному. - Оформи документы! Быстро!

От таможни я вырулил спустя полчаса. На окраине Бреста заправил машину. Бензин недавно подорожал, и литр 93-го стоил 20 копеек. Плохой это бензин, с тетраэтилсвинцом. Ядовитое вещество, вредное для людей и природы. И мотору оно не в радость. Однако плеснуть 72-й бензин я остерегся. Кто его знает, немца? В той жизни я начинал на "жигулях". Они 72-й кушали и облизывались. Он без добавок. "Батя разберется, - решил я. - Он у меня автомобильный справочник, ремонтник и водитель в одном лице".

Я выбрался на шоссе, включил музыку и притопил педаль газа. Жаль, что магистраль Минск-Брест еще строят. Трасса М1 войдет в строй к Московской Олимпиаде. А то бы погнал. Соскучился по своим.

- Эти глаза напротив, и больше нет разлук, эти глаза напротив - мой молчаливый друг... - подпевал я Ободзинскому. Хорошие в этом времени песни! После 90-х их вспомнят. Лучших нет. Эстрада постсоветского периода - это треш и угар. "Ацтой", как написали бы в интернете. "Ты целуй меня везде, у меня свербит в пиз*е..."

Спектакль, разыгранный на таможне, меня позабавил. Последствий я не опасался - с чего? Ну, позвонил бы таможенник Дюжеву. Что, замминистра отказался бы подтвердить, что знает меня? А что таможенник принял меня за агента, так его фантазии. Я такого не говорил. КГБ в СССР боятся до икоты. Страх этот иррациональный. Профессионализмом контора не блещет, особенно в национальных республиках. В той жизни у меня были знакомые среди комитетчиков. Общались за рюмкой чая. Они мне многое рассказывали. Хрущев, придя к власти, перетряс ведомство. Кого посадили, кого выгнали. Образовались вакансии. Их заполняли по партийному призыву. Идти в КГБ люди не хотели. Репутация у чекистов после хрущевских разоблачений была еще та. Поэтому брали любых - лишь бы подходил по анкете. Отсюда и "профессионализм". Не верите? Знаете, сколько диссидентов разоблачил КГБ БССР за 30 лет? ОДНОГО. Специально прописью написал. Да и диссидент тот... После развала СССР журналисты кинулись брать у него интервью. Выходили, плюясь. Не адекват...

При Сталине работали иначе. Мне об этом тоже рассказывали. В начале 50-х в минском автобусе кто-то буркнул: "Сталин - дурак!" Агент говорившего не видел - стоял далеко. К тому же утро, все едут на смену, транспорт набит. Но об услышанном агент доложил. Оперативники выяснили, между какими остановками прозвучало оскорбление вождя. Определили, на каких предприятиях может работать подозреваемый. Прошерстили состав утренних смен. Через неделю болтун сидел в КПЗ.

Один мой знакомый оперативник служил в крупном по белорусским меркам городе. Вспоминал: "Вызывает меня начальник. Спрашивает: "Когда ты, Филиппов, шпиона разоблачишь!" Отвечаю: "Скоро! Уже на подходе". Это "на подходе" длилось до ухода майора пенсию...

В Минск я не поехал. Лиля с Темой в деревне. Отец взял отгулы и отвез невестку к родителям. Заодно и сам отдохнет. От Любаши он устает. Не привык, да и возраст... Детей нужно заводить молодым. Но что сделаешь, если так вышло?

В деревню я прикатил за полночь. Местные дороги в Белоруссии заасфальтированные, но узки и извилисты - не разгонишься. Дом тестя встретил меня темными окнами. Спят. Не глуша двигатель, я выбрался из машины, открыл ворота и загнал "фольксваген" во двор, пристроив его за отцовской "волгой". Двор у тестя большой, два МАЗа поместятся. Выключив зажигание, я закрыл машину, затем - ворота.

Привлеченная шумом, во двор выглянула теща.

- Кто тут?

- Я, мама.

- Сярожа! - она всплеснула руками. - А машина чья?

- В Германии купил. В ней подарки, но с ними завтра. Спать хочется.

- Ня трэба, - согласилась она. - Усе спяць. Пойдзем ? хату!

Я наскоро поужинал и завалился под бочок жене.

- Это ты? - пробормотала она спросонья. - Приехал?

- Ага! - подтвердил я.

- Хорошо, - сказала она и пристроила голову на моем плече.

...Проснулся я от ласковых прикосновений. Кто-то гладил меня по щеке. Я открыл глаза - Лиля.

- Вставай, засоня! - сказала она, смеясь. - Девять часов. Там мужики вокруг машины ходят. Сейчас разбирать начнут.

Кто б сомневался? В том времени даже в Минске вокруг припаркованной иномарки собиралась толпа. Диковина. Что говорить про деревню?

- Где Тема? - спросил я, вскакивая.

- Спит. Ты его не трогай, - предупредила жена. - У него вчера животик болел.

Я быстро оделся, подошел к кровати и полюбовался на сына. Тема спал, раскинув в стороны ручки в зашитых рукавах распашонки. Это чтоб личико не царапал. Ноготки у него растут, и вечеру под ними собирается тряпичный мусор. Приходится чистить. Я осторожно коснулся губами лобика сына и вышел во двор. Вацлав, отец и недавно вернувшийся из армии Толик топтались у "пассата". Меня они встретили недовольными взглядами. "Чего так долго? Тут руки чешутся!", - будто говорили они.

- Сначала подарки! - сказал я, открыв дверцу прихваченным из дома ключом. - Начнем с маленьких, - я вытащил пухлую сумку и отдал ее теще. - Здесь детские вещи. Розовые - для Любы, голубенькие - для Темы.

Теща с Лилей немедленно убежали в дом. Не удивительно. Рассматривать детскую одежду - любимое занятие женщин.

- Это - тебе! - я протянул отцу чемоданчик с автомобильным

инструментом. Тот взял его и немедленно открыл.

- Ух, ты!..

В глазах Вацлава и Толика вспыхнула зависть. Тоже автоманышки.

- А это - вам! - я вытащил из машины картонную коробку.

- Што там? - заволновался Вацлав.

- Бензопила "Штиль". Дрова пилить, - я достал из коробки пилу. - Соберете сами. Там внутри шина, цепь и инструкция. Она на немецком, но есть рисунки и инструмент. Справитесь, - я сунул пилу тестю. - Теперь смотрите. Вот сюда заливается бензин с маслом.

- Как в мотоцикл? - поспешил Толик.

- Именно. Только пропорция один к пятидесяти. Масло я привез, но годится и наше, моторное. Бензин можно и 72-й. Сюда, - я ткнул пальцем в другую пробку, - льем масло для смазки цепи. С ним проще. Можно трансмиссионное, только выбрать пожиже. Держите! - я отдал им пластиковые канистры. - Занимайтесь! А я умоюсь и позавтракаю.

Когда я вышел во двор, Вацлав держал в руках собранную и заправленную пилу. Я проверил натяжение цепи. В норме. Вацлав снисходительно улыбнулся, дескать, учить батьку будешь?

- Дальше просто, - я взял у него пилу и поставил на землю. - Подкачиваем топливо в карбюратор, включаем зажигание и...

Я дернул за шнур. "Штиль" завелся со второго рывка. Мотор выплюнул сизый дымок и затрещал, распугивая кур. Я поднял пилу и снял ее с тормоза. Цепь заскользила вокруг шины, превратившись в полупрозрачную ленту.

- Дай! - умоляюще сказал Вацлав.

- Только осторожно! - предупредил я.

Ответом был гневный взгляд: "Опять отца учишь?" Некоторое время Вацлав любовался на скользящую цепь, затем закрутил головой.

- Пилить нечага, - сказал сокрушенно.

- К Юзэфа? не идзице! - подсказала выбежавшая на шум теща. - Ёй дровы привезли, а пилиць некаму. Одна живе.

- Пойдзем! - согласился Вацлав и выключил пилу. - Толик, бяры козлы. У Юзэфа?ны яны дрэнные.

- Я с вами, - сказал я.

Тесть кивнул.

- А ты Иванавич?

- Без меня справитесь, - отказался отец, - плотоядно разглядывая "пассат". - Машину посмотрю.

- Только ничего не откручивай! - поспешил я.

Отец небрежно махнул рукой: дескать, о чем разговор, и мы пошли. Толик тащил козлы, я шел следом, а тесть вышагивал впереди, помахивая пилой. Выглядел он при этом как маньяк из американского фильма ужасов. По крайней мере, вид у него был как в предвкушении расчлененки.

Юзефовна жила неподалеку. У ворот старенькой хаты лежали бревна. "Ель и ольха", - определил я. Толик установил козлы, и они с Вацлавом взгромоздили на них первое бревно. Я в это время держал пилу. Ставить ее на землю Вацлав не захотел.

Привлеченная суетой из калитки выглянула хозяйка.

- Папилим табе дровы, Юзефа?на, - сказал Вацлав. - Нямецкай пилой.

Он потряс отобранным у меня "Штилем".

- Ой, дзетачки! - всплеснула руками старушка. - Хай вам пан Езус дае.

Вацлав кивнул и завел "Штиль". Дальше было, как в анекдоте. "Вжик!" - сказала пила. "Ни хрена себе!" - ответили мужики... Отпиленные колоды валились на землю одна за другой. Я оттаскивал их в сторону. После пятого бревна Толик взмолился:

- Батька, дай!

Вацлав поколебался, с сожалением посмотрел на "Штиль" и выключил мотор.

- На!

Толик схватил пилу. Мы с Вацлавом загрузили бревно. Толик завел "Штиль". Вжик!..

Привлеченные шумом, вокруг стали собираться соседи. Скоро их набралось с небольшую толпу. Нет, о бензопилах здесь знают. В местном леспромхозе их используют для валки и разделки деревьев. Но тяжелая и громоздкая советская "Дружба" по сравнению с легким "Штилем", это как МАЗ рядом с "Мерседесом". Да и нет "Дружб" в частном владении.

С дровами мы разобрались быстро.

- Суседзи паколяць, - сказал Вацлав Юзефовне, и та кивнула. Колоть легче. На это многие подпишутся. Помогать соседям здесь правило. Католики.

Нас обступили мужики. Выключенный "Штиль" пошел по рукам. Вацлав провожал его ревнивым взглядом.

- Зяць прывез, - объяснил, завладев пилой вновь. - З Нямятчыны.

- Добры у тябе зяць, - вздохнул стоявший рядом мужик.

- Дачка, - не согласился тесть.

- Чаму дачка? - удивился мужик.

- Не было бы яе, не было бы зяця, - философски сказал тесть и кивнул нам: - Пайшли!

Во дворе я сразу почувствовал неладное. Капот "пассата" был открыт, из него торчала нижняя часть тела отца. Я рванулся вперед. Блин! Снятая головка блока цилиндров лежала на расстеленной тряпке, а отец задумчиво рассматривал обнаженные внутренности мотора. Автоманьяк, хренов!

- Ты что? - возмутился я.

- Надо же знать, как его ремонтировать, - объяснил отец, выползая наружу.

- Зачем ремонтировать? Машина новая.

- Все новое со временем становится старым, - философски заметил этот автоманьяк. Блин, еще один на мою голову! - Кстати, сделано хорошо. Хон в цилиндрах отличный, прослужит долго. Только "Волга" все равно лучше. Прочнее.

- Как знаешь, - злорадно сказал я. - Я-то собирался подарить "Фольксваген" тебе. Но если не нравится...

- Ты это вправду? - заволновался отец.

- Разумеется, - сказал я. - Зачем мне иномарка? Во дворе поставишь - значок с радиатора скovyрнут мигом. Или зеркало открутят. А у тебя - гараж.

- А сам ездить на чем будешь? - спросил отец и предложил поспешно:
- "Могу "Волгу" отдать.

- Старая.

- Десять лет всего! - обиделся отец. - Она твой "фольксваген" переживет.

Это точно. На века делали. Но "Волгу" я не хочу: ни новую, ни старую. Бензина жрет много. Сарказм.

- Куплю себе "Жигули" в "Ивушке". Чеки у меня есть.

- Ладно, - кивнул отец. - Но я продам "Волгу" и куплю тебе гараж. "Жигули" нельзя бросать во дворе. Колеса снимут или там дворники. А то и вовсе угонят.

- Договорились! - сказал я. - А тестю возьмем мотоцикл с коляской. Чеков хватит. А то он в очереди третий год стоит...

- Грошы атдам! - поспешил Вацлав.

- Не нужно, - сказал я. - У меня их много. А скоро будет еще больше. У вас Виталик в армии. Вернется, надо будет одеть.

Тесть посмотрел на "Фольксваген" и кивнул. Вот и ладно. А то неловко. Отцу авто подарил, а тестю нет. Машина Вацлаву не нужна. Куда в деревне на ней ездить? А вот мотоцикл - самое то. Работа, рыбалка, в лес по грибы - везде пройдет. И в эксплуатации дешев. Где будет брать для него бензин Вацлав, мне объяснить?

- Гэта грэба замачыць! - потер руки тесь.

- Идите! - засуетился отец. - Я скоро. "Голову" на место прикручу - и сразу. Десять минут.

Мы ополоснули руки под умывальником и вошли в дом. Навстречу нам вышла Лиля с Темой. Сына успели переодеть в немецкие ползунки и шапочку. Во рту у него торчала соска - тоже немецкая.

- Иди к папе! - сказала Лиля и передала мне Тему. Тот выплюнул соску и заулыбался. Я осторожно прижал к себе маленькое тельце. Господи, как же я его люблю! А еще Лилю, отца, сестричку, родителей жены, Машу... Как хорошо, когда ты не один в мире!

В Минск мы отправились назавтра. За рулем "Фольсвагена" сидел я - машина принадлежит мне. Здесь, чтобы передать авто другому водителю, требуется доверенность. Без нее никак - оштрафуют. Отец согласился, скрепя сердце - не терпелось опробовать подарок. Успеет. Хорошо, что он не стал допытываться, почему я отказываюсь от иномарки. Нельзя мне. И без того в Союзе писателей косо смотрят. Без году неделя в писателях, а уже крутой. Печатается в Москве, деньги гребет лопатой. Откуда знают? Так я в Союзе писателей на комсомольском учете состою. Взносы плачу - один процент с гонораров. Трудно высчитать? За границу стал ездить, а это для многих - мечта. Узнают про иномарку - возненавидят. Их даже у мэтров нет. В той жизни я бы не утерпел, похвастался. И нарвался бы на обструкцию. Мне даже "Волгу" не простят. Вот возьмут и не примут Лилю в Союз писателей. Ее книга, наконец, вышла. Так что только на "жигулях" - скромно и со вкусом.

Лилю с Темой я посадил к отцу - так безопаснее. Водитель он опытнее, а машина - крепче. "Волга" шла первой, я - следом. Этот порядок мы заранее согласовали. Иномарка вызовет любопытство гаишников, начнут тормозить. Нам это зачем?

Ехали мы не спеша. Не отводя взгляда от дороги, я складывал в голове строки будущего письма. "Уважаемый Петр Миронович!.."

В моем времени из Машерова лепили икону. Его гибель вызвала массу пересудов. Многие, в том числе дочь, считали, что Петра Мироновича убили. Глупость. Машеров никому не мешал. Его недолюбливали в Москве - это правда. Но не за успешное руководство республикой, как многие считали. Машеров считался человеком своего предшественника - Кирилла Мазурова. Именно тот рекомендовал Петра Мироновича на пост первого

секретаря ЦК Белоруссии. А Мазуров поссорился с Брежневым. На заседании Политбюро посмел возразить против очередной висюльки для бровастого. Подобного в Кремлевском серпентарии не прощали. Мазуров вылетел на пенсию. Гнев Брежнева в отношении него лег и на Петра Мироновича. 25 июня 1978 года Брежнев приезжал в Минск вручать городу Золотую Звезду Героя. Четыре года, между прочим, ехал. Минск наградили еще в 1974 году. Кадры вручения показывали по телевизору. Я видел, как Петр Миронович суетится вокруг генсека, хлопоча лицом. Все бестолку. Брежнев уехал в тот же день. Ему не понравились ни концерт после торжественной церемонии, ни банкет.

Машеров - человек системы. Он произносит набившие народу оскомину идеологические мантры, клянется в верности КПСС. Но у него есть важное отличие от других руководителей. Он патологически честный человек. Такие же люди и в его окружении. Многие из них, как и сам Машеров, партизанили или воевали на фронтах. Уровень коррупции в БССР минимальный. За нее жестоко наказывают. Эта тенденция сохранится и после смерти Петра Мироновича. В 80-е я работал в милицейской газете. Как-то освещал процесс над женой министра. Та работала преподавателем в техникуме и брала взятки. Арестовали, взяли явку с повинной. И министр тут же слетел с поста.

Машеров прост и доступен. Он может приехать в колхоз, снять туфли, надеть сапоги и взять в руки косу. Делает это не для публики - ему просто нравится. После косьбы он разговаривает, окруженный колхозниками. И попробуй охрана что-то вякнуть! Он им скажет... Машеров не боится людей. Он живет ради Белоруссии. Для него любая беда страны - боль. Когда в 1977 году в Крыжовке сошел с рельсов поезд, и погибло много людей, он плакал. Когда в 1972 году взорвался цех радиозавода, Машеров бросил дела в Москве и прилетел в Минск. Ночь провел на месте катастрофы. А потом поехал на телевидение и лично рассказал о беде. Доживи Петр Миронович до аварии на ЧАЭС, он отменил бы в республике первомайские демонстрации. И плевать ему, что скажут в Москве! Люди дороже. Машеров сделает все, чтобы уберечь страну от радиоактивных осадков.

Но сначала нужно его спасти. Жить Петру Мироновичу осталось менее двух лет. Его смерть в автокатастрофе - печальная закономерность. В 1970 году в ДТП погиб заместитель председателя Совета Министров БССР Ковалев. В 1976 году - Председатель Президиума Верховного Совета БССР Сурганов. Завершит список Машеров. Все ДТП как под копирку. Автомобиль Киселева врезался в военный грузовик, Сурганова - в автобус,

Машерова - в ГАЗ, груженный картошкой. Правительственные авто носятся по дорогам, как сумасшедшие. Руководители сидят рядом с водителем - на самом опасном месте. Они не пристегнуты - ремней безопасности здесь нет. В СССР их сделают обязательными лишь в 1979 году - да и то на передних сидениях. Без ремней при столкновении на скорости в 120 километров в час шансов выжить нет.

Для того чтобы Машеров ко мне прислушался, нужен ЖЕСТ. Фонд помощи инвалидам войны подходит для этого как нельзя лучше. Машеров оценит, он воевал. А там можно напроситься на доверительный разговор...

Возможно, есть и другой способ предотвратить аварию на ЧАЭС, только я его не знаю. В другой ипостаси к Машерову лучше не соваться. Писателя, даже успешного, он пошлет лесом. Петр Миронович - человек резкий. Мне нужно завоевать его доверие. Поэтому действуем, как решили. "Как сын ветерана Великой Отечественной войны считаю своей обязанностью помочь людям, которые не щадили своей жизни ради спасения Родины. Недавно у меня появилась такая возможность..."

20.

Позвонили мне спустя неделю после отправки письма. К телефону подошла Лиля.

- Тебя! - сказала, протягивая трубку.

Я взял.

- Здравствуйте, Сергей Александрович! - раздался в наушнике приятный мужской голос. - Меня зовут Владимир Павлович. Я помощник Петра Мироновича Машерова.

- Добрый день! - сказал я. - Слушаю.

- Мы получили ваше письмо. Я доложил о нем Петру Мироновичу. Он заинтересовался. Все обстоит так, как вы пишете?

- Ручаюсь за каждое слово.

- И образцы... продукции у вас?

- В гараже у отца.

- Тогда сделаем так. Вы отвезете их на Минский протезный завод. Адрес: Одоевского, 10.

- Знаю, - сказал я.

- Директору я позвоню. Подготовьте все к показу. Завтра в девять утра Петр Миронович заедет посмотреть. Успеете?

- Без вопросов, - заверил я.

- Позвоните мне, как справитесь. Мой телефон...

Положив трубку, я записал номер и стал накручивать диск. Отец оказался на месте. Я рассказал ему о разговоре.

- Сам Машеров? - не поверил он.

- Именно.

- Ох, сынок! - вздохнул он. - Ты даешь! Времени совсем мало - третий час дня. Будь дома. Сейчас подъеду.

Прилетел отец спустя двадцать минут. Учитывая расстояние - гнал. Хорошо, что гаишнику не попался. Хотя в этом времени они нормальные, к водителям попусту не цепляются. Хорошо еще, что поставив на учет, "Фольксваген", мы загрузили образцы в машину. Ждали.

Отец подкатил к подъезду. Я увидел машину через окно и выбежал из квартиры. Лиля успела меня поцеловать. Новость потрясла ее не меньше отца. О своих планах родственникам я сообщил заранее. Удивительно, но мое желание помочь инвалидам не вызвало отторжения. Быть богатым в СССР неприлично. Это в моем времени перед миллионерами станут пресмыкаться и лизать им зад. Здесь представление другое. Получил много денег - помоги другим. Но одно дело знать о планах, другое - увидеть их воплощение.

От улицы "Правды" до Одоевского мы домчались в один миг.

- К директору! - сообщил я вахтеру на проходной.

Тот очумело глянул на "Фольксваген" и открыл ворота. На заводе нас ждали. Не успел "Фольксваген" притормозить перед заводоуправлением, как из его дверей выбежал немолодой человек в костюме и галстуке. Слегка встрепанный.

- Вы Девойно? - спросил нервно.

- Да, - сообщил я. - А вы - директор?

- Меня зовут Виктор Петрович, - закивал он. - Мне только что позвонили. Вы привезли образцы?

- В машине, - сказал я. - Куда несем?

- Мне в кабинет, - он завертел головой. - Сейчас. Хацкевич! - окликнул он проходившего мимо молодого рабочего. - Помогай!

В четыре руки мы оттащили коробки на второй этаж. Отец вернулся за инструментами и костылями. Я тем временем вытаскивал из коробок образцы протезов и раскладывал их на столе. Директор не удержался и взял один.

- Вот это да! - сказал восхищенно. - Легкий какой! И красивый. Откуда?

- Из ФРГ. Планируется производить их на вашем заводе.

- Да, ну? - не поверил он. - Выделят фонды?

- Все за счет немцев. Ваша задача: организовать производство и подготовить персонал. Планируются командировки в Германию.

- Что нужно сделать? - вытянулся директор. На лице его читались восторг и надежда.

- Предлагаю поставить два стеллажа. На одном разместить немецкую продукцию, на другом - нашу. Так сказать, для сравнения. Рекомендую наши образцы выбрать потяжелее. Для наглядности.

- Понял! - кивнул директор. - Хацкевич! Дуй в цех! Ходыко, Миронова и Базилевича сюда! Живо!

Рабочий выскочил в дверь. Пришел отец с инструментами и костылями. Мы с ним на пару стали собирать коляски. Их я привез две. Одну с ручным приводом через рычаги, другую обычную. У Байера имелись и другие образцы, но "фольксваген" не резиновый. Пусть хоть эти освоят.

Тем временем явились рабочие. Директор отдал им соответствующие распоряжения. Спустя короткое время в кабинет втащили два стеллажа. Вид у них был обшарпанный - видимо, взяли прямо в цеху.

- Покрасить! - распорядился директор.

- Не стоит! - вмешался я. - Краска не успеет высохнуть. Лучше обернуть материей. Найдется?

- Можно взять простыни в медицинском отделении, - сказал один их рабочих.

- Давай! - согласился директор. - Главрачу я сам позвоню. Проследи, чтобы дали новые.

К семнадцати часам стеллажи выглядели, как аптеке. Закончив колясками, мы с отцом расставили по полкам протезы. Директор и рабочие активно помогали. Рядом с "немецким" стеллажом я пристроил коляски и костыли. Окинул композицию придирчивым взглядом. Сойдет.

- Можно позвонить?

- Пожалуйста! - кивнул директор.

Я набрал номер помощника.

- Владимир Павлович? Это Девойно. Готово.

- Так быстро? - удивился он. - Передайте трубку Виктору Петровичу.

Директор подтвердил мое сообщение. Затем выслушал ценные указания и положил трубку на аппарат.

- Руки дрожат, - признался нам. - Сам Машеров! Я не видел вблизи. Не приезжал. Не то у нас предприятие.

- Не переживайте! - успокоил я. - Петр Миронович нормальный человек. Хотя территорию на вашем месте я бы убрал.

- Да, да! - засуетился директор.

- Мы будем в завтра в восемь.

- Лучше в семь! - попросил директор. - Вдруг Машеров приедет раньше? А я не знаю, что ему говорить.

Я кивнул. Мы с отцом спустились во двор. У "пассата" толпились зеваки. Советское производство, млять! Работы нет?

- Немцы! - зашелестело при нашем появлении. Мы не стали опровергать. Сели в машину и вырулили на улицу.

- Говоря "мы", ты имел в виду меня? - спросил отец за воротами.

- Да. Ты против?

- Наоборот. Собирался попросить. Хочу увидеть Машерова.

- Тогда заезжай завтра за мной. На "волге". Не надо дразнить начальство "фольксвагеном" И надень награды - все, что у тебя есть.

- Понял! - кивнул отец...

Назавтра, в шесть тридцать он был у моего подъезда. На отце был костюм, белая рубашка с галстуком, на пиджаке - награды. Красавец! Я тоже надел костюм, но галстук повязывать не стал - не люблю. Я сел рядом с отцом, и мы тронулись.

Проходная встретила нас свежепокрашенными воротами. Двор за ними будто вылизали. Чистый асфальт, побеленные бордюры и стволы деревьев. Знакомо.

Отец приткнул "волгу" в уголке, и мы направились в заводоуправление. Моросил дождь. Директор обнаружился в кабинете. По лицу было видно, что спал он плохо.

- Сергей Александрович! - попросил он. - Расскажите мне об этом, - он указал на немецкий стеллаж. - А то спросят, а я ни бум-бум.

- Расскажу, - согласился я. - Кстати... - я достал из сумки рекламные буклеты. - Здесь технологический процесс в картинках...

Лекция шла нервно. В кабинет то и дело вбегали люди, Виктор Петрович давал им указания, они убегали, но на смену им являлись другие. Знакомая картина: приезд начальства. Но совсем не похоже на мое время. Никакой службы безопасности, рамок металлодетекторов, заранее составленных и утвержденных списков присутствующих, контроля документов. Руководители СССР не боятся покушений. А вот в Европе иначе. Терроризм набирает силу. В Германии свирепствует второе поколение RAF. Убиты генеральный прокурор, президент крупного банка и председатель Союза промышленников. В Италии "Красные бригады" похитили и застрелили председателя Совета министров Альдо Моро. Но в СССР считают, что к нам эта зараза не проникнет - граница на замке.

Правильно считают. Знакомый болгарин говорил: "Русскую границу только комар-самка перелетит. Комар-самец мудьями зацепится..."

Машеров ходит на работу пешком. Живет в трехстах метрах от здания ЦК в малоквартирном доме, построенном для руководства республики. В квартире Машерова на полу лежит обыкновенный линолеум, да и обстановка не роскошная. Мне это рассказывали люди, побывавшие у первого секретаря в гостях. Некоторые деятели искусств Белоруссии живут богаче. Сопровождает Машерова телохранитель. Идет в пяти шагах за спиной. А первый секретарь здоровается со встречными...

Машеров приехал без десяти девять. Сначала в ворота влетела милицейская "волга", затем всплыла черная "чайка". К тому времени все мы были внизу. Все - это мы с отцом, директор, главный инженер и прочее начальство числом в шесть душ.

Первым из остановившейся "чайки" выскочил поджарый мужчина в костюме. Телохранитель. Он открыл пассажирскую дверцу справа от водителя. Машеров вышел и направился к нам. Шагал он легко и стремительно.

- Здравствуйте, товарищи!

Он по очереди пожал нам руки.

- Показывайте!

- Прошу! - директор указал на дверь. Та будто сама собой открылась. Подсуетился Виктор Петрович, приставил человека. Телохранитель рванулся вперед. Правильно, а вдруг засада? Сарказм.

Мы поднялись в кабинет директора. Машеров сходу направился к стеллажам.

- Ножные протезы, - подскочил директор. - Сделаны из металла и пластмассы. Легкие, удобно крепятся на культе.

- А наши? - спросил Машеров.

- Вот!

Директор снял с соседнего стеллажа протез. Машеров взял его правой рукой, немецкий левой, прикинул вес.

- Ясно. Почему наш такой тяжелый?

- Делаем по техническим условиям, - доложил директор. - Металл, кожа, дерево. Как везде в СССР. Технология не менялась со времен империалистической войны.

- Что ж вы ко мне не обратились? - упрекнул Машеров.

- Не знали про достижения немцев, - вздохнул директор. - Они к нам не ездят, мы к ним - тоже. Если б товарищ не привез... - он указал на меня.

- Вы, значит, Девойно? - Машеров посмотрел на меня. - Совсем еще

юноша. Как додумались?

- В прошлом году был на книжной ярмарке во Франкфурте. Немцы издавали мою книгу. В Москве у меня есть знакомая - инвалид Отечественной войны. Попросила купить ей костыли. Вот такие, - я взял прислоненные к стеллажу образцы. - Я зашел в специализированный магазин. Купил. Увидел протезы. Моя знакомая жаловалась, что ей тяжело ходить. Спросил немца: может ли сделать? Тот согласился. Дал мне рисунки, где следовало указать размеры. В Москве я обмерил ногу Дины Аркадьевны, результаты отослал во Франкфурт. Там сделали протез и отправили в Москву. Пришлось слегка подогнать, но он оказался по ноге. Легкий, удобный. Дине Аркадьевне нравится, она стала много ходить. Тогда я подумал: почему только ей? Есть ведь и другие инвалиды?

- Немцы с чего решили помочь?

- Совесть мучит.

- Принимать от них... - сморщился Машеров. - Ладно, я понимаю, купить. А то ведь станут трубить: помогаем нищим!

- Не станут, - возразил я. - Во-первых, люди не те. Во-вторых, в основе фонда - мои гонорары. Так будет и впредь. А что до помощи... В Китае говорят: "Не важно какого цвета кошка, лишь бы она ловила мышей".

- Ишь, какой! - сощурился Машеров. - Молодежь... Не воевали вы, не видели... Мы сами сможем позаботиться о наших инвалидах.

Что ж раньше не телились? Тема инвалидов в СССР, считай, запретная. У нас передовое общество строителей коммунизма, советские люди - гармонично развитые. Так что нечего. Мы лучше неграм в Африке денег подкинем - пусть больше убивают друг друга. А что ветераны мучаются, наплевать. В том времени у меня были знакомые инвалиды. Одному повезло по гуманитарной программе съездить в Германию. Там ему сделали ножной протез. Как он был счастлив! И как ему завидовали другие...

- Понадобятся миллионы марок, - сказал я. - Это, - я указал на стеллажи, - стоит недешево.

Машеров поскущел лицом. Валюту республике выделяют в Москве. А там спросят: "Почему вам? И в других республиках инвалиды есть". Правильно, скажут, между прочим. Но в масштабах страны понадобятся большие деньги. А валюты в СССР мало, да и негры в приоритете. Вопрос забюрократят и положат под сукно.

- А вы, что думаете, товарищи? - повернулся Машеров к остальным.

Товарищи вразнобой, но дружно сообщили, что с молодежью они согласны.

- Можно попробовать в качестве эксперимента, - предложил я. - Что мы теряем? Не получится, заберу деньги и перечислю их правительству республики.

- Давайте дальше смотреть! - подумав, кивнул Машеров.

Он перешагнул все. Опробовал костыли, прокатился в инвалидных колясках. Я не преминул сообщить, что они проходят в кабину лифта. А вот наши - нет. Из-за этого инвалиды просят квартиры на первых этажах. Дать такие не всегда получается, приходится искать варианты обмена.

- Уговорили! - заключил Машеров, встав с коляски. - Будет вам постановление бюро ЦК. Что нужно от нас? - он посмотрел на меня.

- Во-первых, точное число инвалидов, нуждающихся в протезировании, - загнул палец я. - А также в колясках и костылях. Во-вторых, пригласить немцев в Минск. Они должны оценить фронт работ, производственные помещения, номенклатуру поставляемого оборудования, уровень персонала. Потребуется обучить наших специалистов в Германии. Все расходы берет на себя фонд. От государства денег не нужно.

- Ты государство не обижай! - Машеров ткнул меня пальцем в грудь. - На инвалидов деньги найдем. Хотя - молодец! - он хлопнул меня по плечу. - Не каждый отдаст деньги на благородное дело. Что, вправду, сын фронтовика?

- Вот он! - я указал на отца. Тот, волнуясь, шагнул вперед. Машеров бросил оценивающий взгляд на его награды.

- Где воевали?

- В отряде Василия Захаровича Коржа, затем - в Пруссии, - ответил отец. - Там ранили.

- Неплохо, как вижу, воевали, - заключил Машеров. - А работали еще лучше. Теперь понятно, в кого сын. Спасибо! Замечательного человека вырастили!

Он пожал отцу руку.

- Подробности - помощнику! - кивнул мне. - До свидания, товарищи!

Все той же легкой походкой он вышел из кабинета.

- Фух! - директор ослабил узел галстука. - Кажется, получилось. Что дальше, Сергей Александрович?

- Изучайте образцы, - я указал на стеллажи. - Можете даже разобрать. И ждите делегацию из Германии...

Обратной дорогой мы с отцом молчали. Я прикидывал в уме предстоящий разговор с помощником, отец смотрел на дорогу. Когда "волга" притормозила у подъезда, я взялся за ручку двери.

- Сережа! - окликнул меня отец. Я посмотрел на него. Глаза у отца

были влажные. - Я тобой горжусь!

Постановление бюро ЦК компартии Белоруссии вышло через неделю. У Машерова работали быстро. Никакой Девойно в постановлении не упоминался. Совету Министров дали поручение рассмотреть вопрос о реконструкции протезного производства в республике за счет привлечения средств из внебюджетных источников. О Германии - ни слова. Ничего особенного - стиль документов этой поры. В тексте - общие слова, конкретика подразумевается.

Но вопрос был на контроле ЦК, и дело закрутилось. Во Франкфурт ушло приглашение. Байер приехал с помощниками. Поселили немцев в гостинице "Юбилейная". К тому времени я обзавелся новеньким "ВАЗ 2106", купленным за чеки. Отец сдержал слово: продал "волгу" и приобрел мне гараж. Даже с ямой. Не близко к дому, но и не далеко - на троллейбусе пять остановок. Я встретил немцев в аэропорту и отвез в гостиницу. Назавтра был выходной день, и я устроил гостям экскурсию по городу.

- Это мы строили! - сказал Байер, когда мы проезжали мимо здания КГБ. - И эти дома - тоже.

После экскурсии я отвез немцев в гостиницу. Мы пообедали в ресторане. Бесплатно. Немцев принимали за счет правительства - насчет этого Машеров распорядился. После обеда Байер попросил меня отвезти в одно место. Изучив план города, ткнул пальцем. Улица Розы Люксембург. Я удивился, но повез. Мы ехали мимо невысоких домов, как вдруг Байер указал рукой на сквер:

- Здесь!

Я остановил "жигули", и мы вышли. Байер закрутил головой, осматриваясь.

- Здесь стоял наш госпиталь, - он указал рукой. - А там хоронили умерших от ран. Я понимаю, почему вы снесли кладбище. Но хорошо, что на его месте разбили сквер. Не стали застраивать.

Я промолчал. Не застроили, потому что не дошли руки. У советской власти отношение к кладбищам пренебрежительное. Они и свои сносят на раз. Байер некоторое время стоял неподвижно. Как я понял, молился. Затем сел в машину, и я отвез его в "Юбилейную".

В понедельник мы отправились на завод. Немцы дотошно ознакомились с производством. По их лицам было видно, что они о нем подумали.

- Есть проблема, - сказал Байер в кабинете директора. - Большинство ваших мастеров не молоды. Сомневаюсь, что они смогут освоить новые технологии. У нас бы уволили и набрали молодых.

Я перевел это директору.

- Не надо сомневаться! - обиделся Виктор Петрович. - У нас отличные мастера! Освоят!

Короче, договорились. Немцы улетели, скоро пришло приглашение из Германии. Делегацию сформировали большую. Пришлось включить представителей правительства (нафиг нужны, но без них никак - застопорят процесс), директора, главного инженера... Советский Союз. В заграникомандировки лезут пиццом. Хрен с ними, лишь бы дело стронулось.

Не так быстро, как хотелось, но оно пошло. В Минск прибыли вагоны с оборудованием и материалами. Вернулись обученные специалисты. Под руководством прилетевших немцев шел монтаж и наладка новых станков. Меня рвали на части. Переводчики МИДа не знали технического немецкого и имели смутное представление о производстве. Пришлось их заменить. Я ходил на завод, как на работу. Писать забросил. Хорошо, что с продолжением "Курта" успел. Перед советскими издательствами у меня обязательств не было. Я вставал в шесть, завтракал и ехал на протезный завод. Возвращался поздно вечером. Умывался, ужинал, тетешкал Тему и ложился спать. Лиля относилась с пониманием. Повезло мне с женой!

В июле завод дал первую продукцию - протезы и костыли. Коляски местная промышленность не потянула. Просты-то они только на первый взгляд... Посоветовавшись с Байером, я решил первую партию купить. Деньги были. Продажи "Курта" росли, немцы активно жертвовали в фонд. К моему удивлению подключились и немецкие ветераны войны. Байер объяснил это так:

- Они помнят, как воевали с вами. После Восточного фронта Западный считали курортом. "Томми" не солдаты. А вот русские - да. Сильного противника уважают.

Выглядел Байер довольным. Заказы шли через его фирму. Фонд объявил конкурс, и лучшие условия предложил сын Байера. Все законно. Конверты с предложениями вскрывали публично, перед прицелами камер. Но в том, что дедушка проинструктировал сына, сомневаться не приходилось. Став во главе фонда, Байер-старший получил доступ к стратегической информации. Объем поставок, серьезность заказчика, содействие властей. Типичный инсайд. С этим здесь еще не борются. После поймут... Цену оборудования и материалов поставщики предложили практически одинаковую. Только проигравшие добавили к ней стоимость

страховки. Байер-младший этого делать не стал. Зачем? Деньги для оплаты в Германии, распоряжаются ими немцы, да и Советский Союз - страна серьезная. Короче, сэкономил. При голосовании за поставщика дедушка демонстративно воздержался, что и отразили в протоколе. Жук! Взнос Байера в фонд "Дина" оказался инвестицией, а не пожертвованием. Свои пятьдесят тысяч марок он отобьет влет. Пусть. Это как раз тот случай, когда все довольны. Фонд - низкой ценой, поставщик - прибылью, я - скоростью выполнения заказа.

Демонстрировать наши успехи решили на практике. Я позвонил помощнику Машерова, тот идею одобрил. Мы связались с Домом ветеранов в Николаевщине. Предложение там восприняли на "ура". Инвалидов привезли в медицинское отделение завода. Им сделали и подогнали протезы. Тем, у кого ноги ампутированы по самый пах, вручили коляски и показали, как ими пользоваться. И вот наступил решающий день. Ранним утром колонна машин стартовала от проходной. В Николаевщину отправилось заводское начальство и я на "жигулях". Домчались быстро - асфальт. В Николаевщине нас ждали. Директор Дома ветеранов выбежал нам навстречу.

- Где нам встретить Петра Мироновича? - спросил севшим голосом. Лицо его шло пятнами от волнения. - Во дворе или в доме? Не подскажите?

- Лучше во дворе, - предложил я. - Погода стоит хорошая, тепло. Да места больше, чтобы продемонстрировать новые протезы. Инвалиды смогут?

- Насчет этого не сомневайтесь! - успокоил директор. - Удерживать придется. Они словно помолодели. Чуть ли не прыгают от радости.

- Вот пусть и попрыгают! - предложил я. - Не удерживайте. Петру Мироновичу понравится.

Директор убежал. Очень скоро из дверей повалили обитатели дома. К нам подходили здороваться. Жали руки, благодарили. Меня даже обнимали. Как-то узнали, кто был инициатором проекта. Я чувствовал себя неловко - делали-то другие. Так и сказал.

- Но придумал ты! - возразил седой ветеран с медалями на пиджаке. В доказательство он ткнул меня в грудь коричневым от табачного дыма пальцем. - И денег дал. Я тридцать лет на железяке ковылял, культю в кровь стирал, боялся лишний раз в туалет сходить. И никому до этого дела не было. Зато сейчас - вот! - он раскинул руки и отбил каблуками дробь. Медали на пиджаке отозвались звоном. - Танцую, гуляю, вчера даже в грибы ходил. Забыл, когда их в последний раз собирал. А вчера шел по лесу и, поверишь ли, плакал. Спасибо, сынок! - он потряс мне руку.

- Петра Мироновича поблагодарите! - сказал я. - Без него ничего бы не вышло.

- Само собой! - кивнул ветеран. - Миронович - человек хороший. Наш, из партизан. О людях думает.

Окружившие нас ветераны закивали. Вот и славно!

Машеров приехал к десяти. Во двор Дома ветеранов влетела милицейская "волга" с мигалкой, следом - знакомая мне "чайка". За ней - второй автомобиль ГАИ. Петр Миронович вышел из машины и направился к нам.

- Здравствуйте, товарищи! Приехал посмотреть, как вы живете.

- А вот как! - выскочил вперед седой ветеран. Он раскинул руки и, топоча каблуками, прошелся в танце вокруг первого секретаря. - А теперь - смотри! - Он задрал штанину и продемонстрировал протез. - Ногу мне еще в сорок четвертом отрезали, когда блокаду прорывали. Осколок попал, грязь, гангрена... Еле спасли. Тридцать лет с лишком на костылях ковылял, а сейчас, видишь, танцую. Миронович, дорогой наш человек! - он обнял Машерова. - Спасибо тебе!

- Что я?.. - попытался возразить Машеров, но ему не дали. Ветераны окружили его и дружно загомонили, высказывая благодарность. Глаза у Машерова влажно блеснули. Внезапно сквозь окруживших первого секретаря людей потолкался безногий в инвалидной коляске.

- Миронович! Посмотри!

По его знаку ветераны расступились. Инвалид, работая рычагами, стал нарезать круги по асфальту.

- Видишь! Не коляска, а самолет. Куда хочу, туда и еду. Раньше меня возили. Теперь и тебя могу прокатить. Садись! - он хлопнул ладошкой по сиденью перед собой.

Ветераны засмеялись. Машеров присоединился. К нему подскочил директор Дома.

- Петр Миронович, приглашаем вас к столу! Чай, пирожки, печенье. Поварихи столько всего наготовили!

- Идемте! - загомонили ветераны.

Машеров развел руки, показывая, что не в силах устоять, затем повернулся и дал знак охране оставаться во дворе. Сам же, увлекаемый ветеранами, скрылся в здании. Следом потянулось заводское начальство. Я остался во дворе - так нужно. Осмотрелся. Так. Гаишники кучкуются у своих "волг", курят. У "чайки" Машерова стоят трое. Пожилой водитель, уже знакомый мне охранник и мужчина лет сорока в строгом костюме при галстуке. Судя по тому, как разговаривают с ним остальные, начальник. Вот

ты-то мне и нужен.

Я направился к троице. При виде меня они смолкли.

- Здравствуйте! Меня зовут Сергей Александрович Девойно.

- Знаю! - кивнул главный в этой компании.

- Вы начальник охраны Петра Мироновича?

Мужчина построжел лицом и сказал:

- Да.

- Можно вас на пару минут? - я указал рукой в сторону.

Главный поколебался и кивнул. Мы отошли метров на двадцать.

- Слушаю.

- Как вас зовут?

- Николай Иванович.

- Тут такое дело, Николай Иванович. Посмотрел я на "чайку" Петра Мироновича, и кое-что мне в ней не понравилось.

- Что? - насторожился он.

- Нет ремней безопасности. Я бывал за границей. Там они везде. Без них не ездят.

- Вы о привязных ремнях? - догадался он. Ну, да, в СССР их называют так. Николай Иванович задумался и, видимо, решил, что со мной можно. - Предлагали их установить. Однако Петр Миронович против. Стесняют движения.

- Идемте, покажу!

Мы прошли к моим "жигулям". Я открыл дверцу и взялся за ремень безопасности.

- Как видите, эластичный. Три точки крепления. В обычном состоянии практически не ощущаются. Но стоит машине попасть в ДТП... - я дернул за ремень и тот зафиксировался. - Инерционный механизм. Купил в Германии, установил сам. Такие ремни спасают пассажиров и водителя даже при столкновении на больших скоростях.

Николай Иванович вновь задумался. Блин, он еще колеблется!

- Киселев, Сурганов и генерал Беда погибли в автомобильных авариях, - подсказал я. - Все не были пристегнуты. Правительственные машины носятся на большой скорости...

Руководитель охраны спал с лица. Проняло. Наконец-то! Если Машеров погибнет, твоей карьере конец.

- Где ж взять такие ремни? - тоскливо спросил он.

- У меня есть, - я открыл багажник и извлек три картонных коробки. - С Петром Мироновичем ездят водитель и охранник. Так что хватит на всех. Держите! Установить не составляет труда. Любой слесарь в гараже

справится.

- Спасибо!

Он потряс мне руку, забрал коробки и побежал к "чайке". Спустя минуту трое мужчин увлеченно разглядывали их содержимое. Ну, вот, дело, считай, сделано. Думаю, Николай Иванович сумеет уговорить Машерова. Он в этом кровно заинтересован. Значит, у Петра Мироновича появляется шанс. А потом я через помощника выйду на Николая Ивановича или Петра Мироновича и намекну им про 4 декабря 1980 года. Не знаю пока, что скажу, но придумаю.

...Машеров уехал спустя час. На прощание его обнимали и просили заглядывать еще. Он улыбался, жал ветеранам руки, Я наблюдал за этим со стороны. Как же он не похож на руководителей моего времени! Какой красивый и солнечный человек! Даже смотреть на него удовольствие.

Машерова наконец, отпустили, и он в сопровождении "волг" ГАИ отбыл. Следом потянулось заводское начальство. Все выглядели довольными. Я присоединился к общему чаепитию позже, но успел услышать, как Машеров благодарил их. Значит, дело на мази. Моей помощи больше не требуется, можно вернуться к литературе. Соскучился...

"Жигули" катили по шоссе, разрезавшему сосновый бор. Светило солнце, в салон через опущенное стекло врывались запахи смолы, хвои и разогретого асфальта. Навстречу попадались грузовики с затянутыми брезентом кузовами. Зерно везут. Конец августа, уборочная заканчивается. "Жигули" взяли подъем и помчались по ровному участку дороги. Внезапно впереди показалось скопление машин. Что там? Я подкатил ближе. На правой стороне путь преграждали "жигули" ГАИ с включенными маячками. Перед автомобилем топтался гаишник с жезлом. Я затормозил.

- Проезжайте! - гаишник указал жезлом на обочину встречной полосы.

Я высунул голову в окно.

- Что случилось?

- Проезжай, тебе сказали!

С чего он такой нервный? Я пожал плечами и включил первую скорость. Вырулил на противоположную обочину и медленно покатыл, объезжая затор. Скосил взгляд вправо. Авария. Легковой автомобиль на полной скорости врезал в МАЗ, груженный зерном. Тот выезжал с второстепенной дороги. От удара МАЗ развернуло, и зерно из кузова высыпалось и почти полностью закрыло таранивший грузовик автомобиль. Было видно, что его разгребали, вытаскивая пострадавших. Следы крови на асфальте, в стороне лежат два тела с закрытыми какими-то тряпками лицами. Рядом толкуются гаишники. Курят, и лица у них какие-то

потерянные. Стоп! Из груды зерна выглядывают характерные задние фонари. "Чайка"... Машеров? Сейчас? Не может быть!

Я остановил "жигули", выскочил из машины и подбежал к милиционерам. Так... У одного из тел на ногах тупоносые ботинки со стоптанными с правой стороны каблуками. Я обратил на них внимание еще в Николаевщине - бросались в глаза. Ботинки носил водитель Машерова...

- Товарищи!

- Что вам? - повернулся ко мне капитан. Лицо его не предвещало ничего доброго.

- Я еду из Николаевщины, где мы принимали Машерова. Это его машина? - я указал на торчавший из груды зерна багажник. - Скажите, Петр Миронович жив?

- Проезжайте, гражданин! - рявкнул капитан. - Живо! Не задерживайте движение!

Его лицо сказала мне больше, чем слова. Я вернулся к "жигулям" и сел за руль. Отъехав с километр, затормозил на обочине. Вышел из машины и сел прямо на песок. Как же так? Я, вроде, все продумал и сделал. Выходит, мое вмешательство в события, может изменить историю не только в лучшую сторону? Машеров погиб на год раньше, но обстоятельства аварии, как в под копирку. Только тогда "чайку" засыпало картошкой. Господи, почему? Что я не так сделал?

Не знаю, сколько я просидел так. Меня привел в чувство визг тормозов. На противоположной стороне стоял ГАЗ. Водитель, выскочив из кабины, бежал ко мне. Я встал.

- Што здарылася?

- Люди погибли, там! - я указал рукой за спину. - Авария.

- Знакомы хто?

- Да! - кивнул я. - Машеров.

- Ё!.. - выдохнул он. - Як жа цяпер?

Он сокрушенно покрутил головой.

- Закурить есть? - спросил я.

- Зараз!

Он полез в карман и достал смятую пачку "Астры". Я вытащил одну сигарету и сунул в губы. Водитель чиркнул спичкой и поднес мне огоньку. Я втянул в себя ядовитый дым. В горле будто наждаком продрало. Я закашлялся и бросил сигарету.

- Спасибо.

- Можа, яшче чаго?

- Не нужно, - я покрутил головой. - Еще раз спасибо. Поеду.

Водитель кивнул и пошел к машине. Я сел в "жигули" и включил зажигание. Автомобиль стронулся с места и покатил по шоссе. Дорога плыла перед глазами. "Успокойся, Сергей, - уговаривал я себя, - ты же циник. Взрослый мужик. Не стоит так убиваться. Машеров был обречен. Годом позже, годом раньше... Да, не вышло с ним, но цель остается неизменной. Нужно подумать, как ее достичь. Ты сможешь!"

Горячий воздух, врываясь в салон, осушал мокрые щеки. Только не успевал, поэтому влага капала на белую рубашку, оставляя на ней темные следы...

21.

Академик Александров с любопытством посмотрел на перешагнувшего порог кабинета посетителя. Гость был молод ("Лет тридцать", - определил Александров), чуть выше среднего роста, худощав. Хотя, если точнее, жилист. Широкие плечи, подтянутый живот и продолговатое, мужественное лицо. Последнее впечатление усиливала белая нитка шрама на лбу. Одет гость был в модный костюм и белую рубашку, но без галстука.

Посетитель поздоровался, спокойно дал себя рассмотреть, затем, повинувшись приглашающему жесту руки Александрова, прошел к столу и сел, положив при этом перед собой тоненькую папку. Держался он при этом уверенно, как бы не по-хозяйски, и Александров почувствовал приступ раздражения. Теперь он сожалел, что поддался уговорам и согласился принять этого странного человека. Что нужно от Президента Академии наук модному писателю? От сотрудников Института атомной энергетики, который он возглавлял, Александров слышал восторженные отзывы о книгах гостя. Сам академик их не читал и не испытывал такого желания. Было бы на что время тратить!

Однако хозяину следовало быть вежливым, и Александров кивнул посетителю. Дескать, говори, раз пришел.

- Спасибо, что согласились принять, - сказал гость. - Я не займу у вас много времени, Анатолий Петрович. Все, что я хотел вам сообщить - здесь, - он придвинул Александрову папку.

Тот взял и раскрыл. Внутри лежало несколько машинописных листков. Александров надел очки. Первая же фраза заставила его похолодеть.

"26 апреля в 1.23 по Московскому времени на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС произойдет авария, которая станет крупнейшей в истории человечества техногенной катастрофой..."

Александров торопливо бросил взгляд на календарь и облегченно вздохнул - сегодня 10-е апреля. В тоже мгновение он ощутил злость. Что за дурной розыгрыш! Александров рассерженно глянул посетителя.

- Пожалуйста! - попросил гость. - Прочтите до конца. Там всего три странички.

Александров подумал и обратил взгляд к тексту. Ладно, он прочтет. А уж потом скажет этому писаке все, что он о нем думает. Кого он вздумал разыгрывать? Александров не хотел признаваться даже самому себе, что после первой фразы он не выпустит текст из рук при любых обстоятельствах.

Читал он долго. Несколько раз возвращался к началу, затем продолжал, пока текст не закончился. В течение этого процесса настроение академика менялось. Он не мог определиться в своих чувствах. С одной стороны, это был бред. Реакторы РБМК исключительно надежны. Взорваться они не могли. Александров знал это хорошо, поскольку был научным руководителем проекта. С другой стороны... Сведения об особенностях конструкции реактора и термины в тексте были исключительно точны. "Выбег... ксеноновое отравление... положительный паровой коэффициент реактивности..." Такое мог сочинить только специалист, причем, из числа допущенных к государственным секретам. Но, более всего, впечатляло описание последствий аварии. Количество выброшенных в атмосферу радиоактивных веществ, площадь загрязнения и, более всего, - число жертв. Тех, что погибли сразу, и умерли впоследствии.

- Кто это написал? - спросил Александров.

- Я, - спокойно ответил гость.

- Вы физик?

- Нет. У меня нет даже законченного высшего образования. Учился в политехническом, но ушел, не закончив второй курс. Специальность - технология обработки металлов давлением, - гость усмехнулся.

- Тогда откуда?..

- Оттуда, - гость указал пальцем на потолок. - Считайте это откровением свыше.

- Ну, знаете ли!.. - возмутился Александров.

- Анатолий Петрович! - вздохнул посетитель. - Я понимаю ваше раздражение. Пришел какой-то чудаков и морочит вам голову. Но я не морочу. Это, - он ткнул пальцем в листки, - обязательно случится. И вы можете это предотвратить. А теперь подумайте вот о чем. Если вы не вмешаетесь, и авария случится... Как после этого вы сможете смотреть людям в глаза?

Александров от возмущения задохнулся. Наглец! Как он смеет?

- Спасибо, что приняли и выслушали, - гость встал. - До свидания.

Он вышел из кабинета. Александров еще некоторое время сидел, невидящим взглядом скользя по разложенным перед ним листкам. Затем встряхнулся и взял со стола небольшой телефонный справочник. Пролистав страницы, нашел нужный номер. Набрал междугородний код и нужные цифры.

Ответили почти сразу.

- Слушаю, - раздался в наушнике мужской голос.

- Здравствуйте, Виктор Петрович. Александров беспокоит.

- Рад слышать вас, Анатолий Петрович! - ответил невидимый собеседник. - Чем можем быть полезны Академии наук?

"У него хорошее настроение", - отметил Александров.

- Хочу спросить, Виктор Петрович. У вас планируется остановка реактора?

- Да, - подтвердил собеседник. - Четвертый энергоблок, в ночь на 26 апреля.

Александров ощутил, как по позвоночнику пробежал холодок.

- Эксперименты собираетесь проводить?

- Как обычно. В этот раз с режимом выбега ротора турбогенератора.

Холодок стал злее.

- С вашего разрешения я хотел бы поучаствовать в эксперименте.

- Что-то случилось? - насторожился собеседник. - Написали клязузу?

- Никто ничего не писал, - успокоил его Александров. - Требуется проверить одну гипотезу об оперативном запасе реактивности. Вмешиваться в процесс я не буду. Просто поприсутствую.

- А что сами? - удивился собеседник. - Прислали бы сотрудника.

- Не забывайте, что я директор Института атомной энергетики и руководитель этого проекта, - раздраженно сказал Александров. - Мне интересно.

- Извините, Анатолий Петрович! - поспешил собеседник. - Просто удивился. Не так часто нас посещают люди, как вы. Разумеется, мы с удовольствием вас примем. Кстати, 26-го выходной день. Организуем рыбалку на Припяти. Знаете, как клюет?

- Ничего не нужно, - сказал Александров. - Это рабочий визит. Я прилечу в Киев днем 25 апреля и улечу на завтра. У меня не так много времени.

- Договорились! - согласился собеседник. - Встретим в аэропорту, домчим с огоньком. Чуть больше ста километров от Киева. Соскучиться не успеете.

- Вот и хорошо, - сказал Александров и положил трубку. Затем снял другую. - Верочка! - сказал в микрофон. - 25 апреля я улетаю в Киев. Вернусь 26-го. Оформи командировку и позаботься о билетах на самолет.

В Минск я возвращался на поезде. Хотелось оценить случившееся и определить дальнейшую линию поведения. В вагоне мне хорошо думается. Идеи нескольких романов, как в той, так и в этой жизни, пришли под перестук колес.

В узком двухместном купе я оказался один. Да и в вагоне переселения не наблюдалось. Четверг. В командировку ехать поздно, на выходные - рано. А вот в другие дни поезд Москва-Минск забит до отказа. Я сдал проводнику билет, получил постель, застелил полку и улегся, взбив подушку под головой. Итак...

После гибели Машерова я оправился не скоро. Но потом дела затянули. Вопреки моим опасениям, сотрудничество с немцами не притормозили. То ли ореол погибшего руководителя республики распространился на проект, то благодарственные письма инвалидов повлияли, но нам фактически дали карт-бланш. Мне выдали служебный заграничный паспорт, немцы проставили в нем постоянную визу и я ездил в Германию, как в Москву - по своему желанию и в любое время. Очень скоро о фонде "Дина" стало известно в узких кругах. Советские газеты о нас не писали (Как же, помощь от идеологических врагов. Нельзя!), телевидение нас не снимало, но сарафанное радио работало. Инвалиды со всего СССР забрасывали Минск письмами. И плевать было им, на чьи деньги делают протезы. Письма слали и в Москву, там слышали. В Минск приехали серьезные мужики с оборонных заводов. Я передал им цельнотянутую в Германии техническую документацию на коляски. В Минске их производство наладить не удалось. Велозавод сотворил какое-то монструозное угребище, которое мог привести в движение лишь чемпион мира по тяжелой атлетике. А вот у авиастроителей получилось. Их коляски вышли даже лучше прототипов - легкие и надежные, хотя и не такие красивые, как у немцев. Спрос на них был огромным. Коляски заказывали клиники, госпитали, санатории. Инвалиды - само собой. Радовались все, в том числе и оборонщики. Коляски им засчитывали в товары народного потребления, тем самым сняв с директоров головную боль. За выпуск этих товаров в СССР спрашивали строго. А что может производить "МИГ"? Детские самолетки? А тут нехитрая конструкция из трубок и шестерен.

Для авиазавода - семечки. Открыл цех и клепай.

С костылями было и вовсе просто - штампуй хоть в колхозной мастерской. Через пару лет организовали и выпуск материалов для протезов. Фонд "Дина" переориентировался на обучение специалистов и поставки оборудования. Часть его закупили за государственные средства. К 1983 году потребность в фонде исчезла, и его упразднили. Остаток средств по моему предложению перечислили Советскому комитету ветеранов войны. Сумма вышла значительной. В результате меня, Байера и Циммермана наградили орденами "Знак почета". Вручили их в торжественной обстановке.

- Никогда не думал, что коммунисты наградят меня орденом, - сказал мне Байер. - Интересно: что напишут по этому поводу наши газеты? Наверное, сочтут меня советским агентом.

Он рассмеялся. На газетчиков Байеру было плевать. Фонд принес фирме сына солидную прибыль, а тут еще СССР заслуги оценил. Было с чего радоваться.

В 1984 году умерла Дина Аркадьевна - инфаркт. Она так и не прислушалась к рекомендациям врачей поменьше курить. На ее похороны пришло много людей. Знаменитые и не очень писатели, редакторы - как главные, так и рядовые. Я и не подозревал, что у нее столько друзей. Многие из провожавших Дину Аркадьевну мужчин плакали, я был в их числе. Перед гробом покойной несли подушечку с наградами. Их у Дины Аркадьевны оказалось немало. В основном - юбилейные медали. Но был и орден Красной Звезды, медаль "За боевые заслуги" и орден Трудового Красного Знамени.

С ликвидацией фонда исчезла и обязанность переводить ему гонорары. Марки вновь потекли на мой счет. Их было много. "Курт" и его продолжения пользовались спросом как в Германии, так в других странах. Джулиан Роулинг я, конечно, не затмил, даже не приблизился к ее успеху, но суммарный тираж книг серии исчислялся миллионами экземпляров. Соответствующими были гонорары. Я получал их без посредничества ВААП - заключил с издательством договора напрямую. ВААП промолчал. Ему было не до меня. Шла пятилетка великих похорон. Генсеки, один дряхлее другого, всходили Олимп, чтобы уже вскоре попасть в рубрику "Великая скорбь". Глядя на этот цирк, страна плевалась. Избрание Горбачева встретили с облегчением - молодой.

В 1985 году в Германии вышел пятый "Курт". Три последних написали мы с Лилей. Вернее, она одна. Я только набрасывал план книги, разбивал сюжет по главам, а затем проходил по уже готовому тексту. Лиля писала

слишком академично, без огонька, свой язык у нее был суховат. Зато правильный и простой. Переводчики радовались. На обложках книг красовались фамилии двух авторов, чем Лиля очень гордилась. Тесть - особенно. О том, что его "дача - письменница, и якую друкуюць у Няметчыне" знали не только в деревне, но и в районе.

Мы переехали в пятикомнатную квартиру на проспекте Любимова, то есть неподалеку от прежнего дома. Сменялись. В придачу к своей "трешке" я дал новенький ВАЗ, купленный за чеки в "Ивушке". С руками оторвали. За машину в СССР в 80-е можно было выменять отдельную квартиру, а тут всего лишь доплата. Так что бывшие владельцы пятикомнатной очень радовались. За ВАЗ и "трешку" мне предлагали четырехкомнатную "сталинку" на проспекте Ленина, но я отказался. Помнил, во что превратится центр Минска в моем времени. Потоки автомашин, забитые "тачками" дворы... Пусть там понторезы живут. Мы - люди сельские.

В новой квартире имелся просторный холл, большая кухня, пять изолированных комнат и кладовая на лестничной площадке. Теперь и у Лили был свой кабинет. По утрам в квартире слышался стрекот электрических пишущих машинок. Их я привез из Германии. Пишущий блок этих машинок представлял своеобразную "ромашку", которая легко менялась. В результате можно было использовать разные шрифты, что избавляло от необходимости вписывать в русский текст от руки немецкие или английские слова. В одной из "ромашек" мы перепаяли пару букв и получили белорусский язык. Удобно. А хорошо послужившая нам "Эрика" отправилась в резерв. Время от времени я ею пользовался, но не с литературными целями.

Большая квартира семье требовалась. В 1981 году у нас с Лилей родилась Ядя, в 1983-м - Станислав. Дети росли разные. Увалень Артем, лопотушка Ядя и гиперактивный Стас. Ботинок младшенькому хватало от силы на месяц. Вся эта компания носилась по комнатам, кричала, прыгала, лезла, куда не нужно, и поэтому требовала неусыпного присмотра. Хорошо, что поблизости имелись ясли-сад, куда мы отводили малышня по утрам. Это давало возможность поработать. Вечером в доме становилось шумно. Угмонить эту ораву можно было лишь показом мультиков. Из Германии я привез видеомэгнитофон JVS и стопку кассет VHS, на которые записывал советские мультфильмы. Иностранцы из-за границы принципиально не вез - незачем уродовать детскую психику. На просмотры к нам приходили дети соседей по площадке, нередко - с родителями. Видеомэгнитофоны в СССР были редкостью. Сам факт, что картинку с телевизора можно записать, а потом просмотреть, казался чудом.

С "жигулей" я пересел на "волгу" - отец уговорил. Свой "фольксваген" он ценил, но к "волге" испытывал любовь. Зависти я не боялся. Лиля стала членом Союза писателей, с соседями мы дружили. Наш подъезд был спроектирован для многодетных семей. Двухкомнатные и трехкомнатные квартиры в нем объединили в одну, вследствие чего получившиеся пятикомнатные вышли не по-советски просторными. Ничто так не сплачивает женщин, как общие заботы. Детей в подъезде обитало множество. Лилия отдавала соседкам вещи, из которых наша тройка уже выросла. А если учесть, что те платица и ботиночки были импортными, да еще практически новыми, желающих с нами дружить набиралось много. У нас постоянно одалживались - как продуктами, так и деньгами. В довершение я съездил на завод силикатных изделий, и поговорил с директором. В результате во дворе нашего дома появился сказочный городок с избушкой на курьих ногах, песочницами, качелями, каруселями, шведскими стенками и прочими прибабасами. Завод провел это по статье "оказание шефской помощи многодетным семьям". А то, что у директора в квартире появился импортный телевизор... Он человек не бедный, всегда может сказать, что в комиссионке купил. Городок вышел красивым, его даже по местному телевидению показали. У директора взяли интервью. Тот говорил в камеру, сияя от удовольствия - оценили. Радости нашей малышни не было предела. В глазах их родителей я выглядел правильным мужиком - богатым, но не жадным. Из тех, что живут сами и дают жить другим. Так что я смело оставлял "волгу" у подъезда. Бдительные старушки-соседки отгоняли от нее любителей чего-то открутить или отковырнуть.

- А ну отойди! - кричали они из окошек. - Это нашего писателя машина. Счас милицию вызову!

Летом я отвозил семью в деревню. Малыши ждали этого с нетерпением. В деревне жили корова, кабан, куры и собака с кошкой. Их можно было погладить, а котят даже подержать в руках и уложить спать в кроватку. С нетерпением ждали внуков и бабушка с дедушкой. Вацлав таскал их на себе, а Ядю вовсе не спускал с рук, чем эта хитрунья вовсе пользовалась. Дочка как две капли походила Лилю, чем и объяснялась привязанность деда.

- Як маці разумная будзе, - утверждал Вацлав. Вид у него при этом был такой, что желание спорить пропадало.

Разрушать этот уютный мирок не хотелось отчаянно. Я понимал, что визит к Александрову может кончиться плохо. В своем времени я о нем много читал. Блестящий ученый и очень порядочный человек. Не стеснялся критиковать существующие порядки, при нем Академия наук отказалась

исключать из своих рядов Сахарова. Александров был единственным, кто мог воспринять мое предупреждение всерьез. Ядерная энергетика - его любимое детище. Аварию на ЧАЭС в том времени он воспринял, как личную трагедию. Оставил пост Президента Академии наук, заявив, что после Чернобыля кончилась его творческая и обычная жизнь. В том, что он предпримет все меры, я не сомневался. Но вот только удастся ли ему предотвратить аварию? И чем это обернется для меня? Звонить в КГБ Александров не станет - не тот человек. Но вот другим рассказать сможет. Пойдет слух о необычном предупреждении. А в КГБ к слухам прислушивается...

"Что сделано, то сделано, - наконец, решил я. - Дальше - как выйдет. У Лили есть доверенность на получение моих гонораров, в том числе - и в Германии. Завещание составлено в ее пользу. Если возьмут в оборот - закошу под дурака. Я же писатель, откровения слышу. Грохнут - не беда. В этом времени я уже одиннадцатый год. С учетом прожитых ранее лет мне семьдесят три. Хороший срок для мужчины. Многие до такого не доживают..."

Успокоенный этой мыслью, я уснул.

Из Шереметьева Александров приказал везти себя в институт. Несмотря на выходной день, домой не хотелось. В самолете он немного поспал, но голова все равно гудела. 83 года...

В аэропорт Борисполь его провожал директор АЭС. Дорогой они молчали. Когда объявили посадку, директор взял Александрова под локоть.

- Как думаете, меня снимут? - спросил тоскливо.

"Скажи спасибо, что не посадят!" - едва не выпалил Александров, но вовремя одернул себя.

- Вашей вины в происшествии нет, - сказал, успокоившись, - как и персонала. Поведение реактора в критических ситуациях не изучено до конца, соответствующих методик не имеется. В отчете упомяните, что я присутствовал при эксперименте, и сошлитесь на мое мнение. Если потребуют подтверждения, я его дам.

- Спасибо! - директор затряс его руку. - Век не забуду!

Александров высвободил кисть и пошел к трапу. Московский "ТУ" подогнали прямо к зданию аэровокзала.

В своем кабинете в институте Александров некоторое время сидел, поглядывая на брошенный в кресло портфель. Папка с предупреждением

странного посетителя лежала внутри. Александров помнил его почти наизусть. До поездки в Чернобыль он и специалисты института просчитали возможность взрыва реактора по предложенному сценарию. Разумеется, листки в руки им Александров не дал. Начнут спрашивать: откуда? Поставил задачу и попросил просчитать. Ничего путного из этого не вышло. На Ленинградской АЭС в 1975 году случилась похожая авария, но там ситуация была иной. В Чернобыле останавливали реактор, в Ленинграде его запускали. В Ленинграде сработала аварийная защита, в Чернобыле ее отключили. И если бы Александров не потребовал включить...

А вот результаты аварий оказались схожими. И в Ленинграде, и в Чернобыле оказались разрушены или повреждены тепловыделяющие сборки и каналы. Неприятно, но не смертельно. Александров помнил, что произошло в переданном ему предупреждении. И отдавал себе отчет: только его присутствие на четвертом энергоблоке помогло спасти страну от страшной катастрофы.

Некоторое время он колебался. Нехорошо сдавать доверившегося тебе человека. С другой стороны Девойно не просил молчать. А если он обладает знаниями и о других катастрофах? Сколько людей можно спасти! Не говоря об ущербе народному хозяйству.

Александров взял со стола маленькую книжечку - телефонный справочник, полистал. Затем придвинул вертушку и набрал три цифры.

- Да, - раздался в наушнике мужской голос.
- Здравствуйте, Владимир Иванович!
- И вам доброго здоровья, Анатолий Петрович! Работаете?
- Как и вы.
- Да уж! - пожаловался собеседник. - Ни выходных, ни проходных.
- Найдете для меня пару минут?
- Разумеется, - сказал собеседник. - Приезжайте. Мне тут еще долго сидеть.

Александров вызвал дежурную машину. До Старой площади его довезли быстро. В здание N 4 пропустили сразу, академик поднялся на нужный этаж. Приемная секретаря ЦК была пуста - выходной день, и Александров прошел в кабинет. Увидев его, Долгих встал из-за стола и шагнул на встречу.

- Рад видеть вас, Анатолий Петрович!
- Он пожал руку ученому.
- А я вас, - сказал академик, возвращая рукопожатие.
 - Присаживайтесь!

Они разместились за приставным столом.

- Про аварию на Чернобыльской АЭС слышали? - перешел к делу академик.

- Было утренней в сводке, - кивнул Долгих. - Но там, вроде, ничего особо страшного?

- Да, - подтвердил Александров. - Но могло быть. Взгляните!

Он достал из сумки папку и передал Долгих. Тот взял, раскрыл и некоторое время сосредоточенно читал. Затем отложил листки.

- Это прогноз вашего института?

- Нет, - сказал Александров. - Эти листки принес мне писатель Девойно. Слышали о таком?

Долгих покрутил головой.

- А я слышал. Мои сотрудники его книгами зачитываются. Упросили принять автора. Девойно принес эти листки мне 10 апреля. Попросил сделать все, чтобы предупредить аварию.

- Он физик-ядерщик?

- У него даже высшего образования нет.

- Хм, - Долгих взял листок. - Я не специалист, но, по-моему, написано со знанием дела.

- По-моему - тоже, - кивнул Александров. - А я, знаете ли, академик. Скажу сразу: не отправься я в Чернобыль, вот это, - он ткнул пальцем в листки, - непременно бы произошло. И с описанными здесь последствиями.

- Не приведи бог! - Долгих изменился в лице. - Вы уверены?

- Да.

- Тогда откуда...

Долгих не договорил фразы, но Александров понял.

- Я задавал Девойно этот вопрос. Он ответил, что получил откровение свыше.

Долгих хмыкнул.

- Я ученый, физик, поэтому не верю в откровения, - кивнул Александров. - Но факт остается фактом: Девойно знал об аварии. Причем, все. Время - с точностью до минуты, обстоятельства происшедшего, механизм поведения реактора. Это говорит о том, что ему доступно знание из будущего.

- Фантастика какая-то, - покрутил головой Долгих.

- Увы, реальность, - не согласился Александров. - Хотя Девойно известен именно как автор фантастических романов. Почему я к вам пришел, Владимир Иванович? Чернобыльская АЭС не единственная в

СССР. Есть гидростанции и масса других опасных объектов. В случае аварии на них могут погибнуть люди, страна - понести экономический ущерб. А теперь представьте, что есть человек, который об этих авариях знает наперед. И их можно предупредить.

- Хм, - сказал Долгих. - Резонно. Он согласится помочь?

- Сам искал со мной встречи.

- Спасибо, Анатолий Петрович! Я это оставлю? - Долгих указал на листки.

Академик кивнул и они распрощались. Долгих собрал листки, сложил их в папку, снял трубку телефона и набрал номер.

- Здравствуй, Костя! - сказал ответившему абоненту. - На месте? Можешь зайти? Жду!

Спустя полчаса в его кабинет вошел высокий, подтянутый мужчина в строгом сером костюме. Долгих встал из-за стола и направился к гостю. Где-то посередине кабинета они встретились и обнялись.

- Целую жизнь не виделись! - сказал Долгих, отступая.

- В прошлом году, - уточнил гость.

- Так это мельком, - махнул рукой Долгих. - Все в работе. Не заметил, как шестьдесят один стукнул. Жизнь, считай, прошла.

- Рано печалишься, - хмыкнул гость. - Сам крепкий, как молодой огурец. И седины почти нет.

- Порода такая, - согласился Долгих. - Сибирская. Присаживайся, Константин! Кое-что расскажу.

Гость выслушал его, не прерывая.

- Что скажешь? - спросил Долгих, закончив.

- Похоже Оракул объявился, - сказал Константин.

- Какой оракул?

- У нас его так кличут. Разреши? - он потянулся к телефону. Долгих кивнул. Гость снял трубку и набрал номер. - Дима? Наведи справку об одном человеке. Фамилия Девойно, имени и отчества не знаю. Но он писатель, известный, живет в Минске. Как выяснишь, позвони мне по номеру, - он продиктовал цифры.

- Телефон знаешь, а не звонишь! - упрекнул его Долгих, когда гость положил трубку.

- Не хочу отрываться от дел секретаря ЦК, - сказал Константин. Долгих покачал головой. - Хотя ты прав, Владимир Иванович. Не хочу звонить из нашего гадючника. Заинтересуются, почему? О наших отношениях там не знают. Пронюхают, начнут делать расклады: кто и под кем. Ну, их!

Долгих согласно кивнул.

- Так что с Оракулом? - спросил нетерпеливо.

- Это случилось в 1978 году, - начал гость. - Я тогда еще в подполковниках бегал. Позвонили из Ростова, попросили помощи. В городе Шахты коммунист повесился. Расследование показало, что, вроде, доведение до самоубийства. Этот Чикатило получил письмо, прочел его и сунул голову в петельку.

- А что в письме?

- Всего два предложения. "Мы о тебе знаем все. Посмеешь тронуть хоть одного ребенка, повесим на собственных кишках!"

- Однако! - покачал головой Долгих.

- Стали разбираться. Чикатило работал воспитателем в профессионально-техническом училище. На адрес училища, к слову, и пришло письмо. Выяснилось, что этот "воспитатель" лип к мальчикам, а в городе имел второй дом, куда водил проституток. Тут местный горком и увял. А до этого кулаком стучали, требовали: "Найти и наказать!", - Константин усмехнулся. - Письмо было отправлено из Москвы, поэтому я привез его с собой: вдруг были похожие?

- И?

- Выяснилось, что были. Отпечатаны на той же машинке "Эрика" и, как и в шахтинском случае, но никаких отпечатков пальцев автора. Отправлены из московского почтамта к нам на Лубянку. Ты про маньяков слышал?

- Убийцы? "Мосгаз"?

- Не только. За последние годы их разоблачили тринадцать человек. И всех с помощью Оракула.

- Даже так?

- Именно. Представляешь, приходит в адрес Комитета письмо. В нем имя, фамилия, иногда, и отчество серийного убийцы. Указано, где живет, и где, предположительно, прячет улики. Остается арестовать и раскрутить.

- Пытались выяснить, кто писал письма?

- Нет. Во-первых, он предупредил: начнем искать - ляжет на дно. И хрен что больше от него что получим. Во-вторых, зачем? Добровольный агент, поставляет ценнейшую информацию... В управлении, которое этими убийцами занималось, на него буквально молились. Знаешь, сколько людей, благодаря Оракулу, получили досрочные звания или были повышены в должности? Кое-кто даже орден схватил. А начальник управления в заместители председателя пробился, - Константин усмехнулся. - Так что письмо у меня забрали и велели о нем забыть. Но я запомнил.

Он помолчал.

- Единственное, чего Оракул просил, так это сообщать о задержании и осуждении маньяков. И даже указал, где - в журнале "Советская милиция". Очень грамотно: в общедоступной печати писать о маньяках нам бы не позволили. А "Советскую милицию" разрешено выписывать только сотрудникам МВД и их помощникам. Партийные, советские и комсомольские органы - само собой. Эти болтать не будут.

- Так он из милиции? - удивился Долгих.

- Кое-кто у нас тоже поначалу так думал, - усмехнулся гость. - Но потом сообразили. Во-первых, если из милиции, то почему сливает информацию смежникам? Во-вторых, стиль писем. Не пишут так милиционеры. Другие слова, обороты речи. Чувствовалось, что за письмами стоит очень умный человек с большим жизненным опытом.

Зазвонил телефон. Долгих снял трубку, послушал и протянул ее гостю.

- Ага! - сказал тот невидимому собеседнику и некоторое время сосредоточенно слушал. - Понял, - сказал, наконец. - Дальше не копай. Отбой! - он положил трубку и повернулся к Долгих. - Писателей Девойно в Минске два. Одного зовут Сергей Александрович, второго, вернее, вторую - Лилия Вацлововна. Муж и жена. Наш, соответственно, Сергей. Дима позвонил коллегам в Минск, выяснилось, что Девойно они знают.

- С чего?

- За границу часто ездит. Такие под присмотром.

- А что он делает за границей?

- Книги издает. Целых шесть штук в Германии напечатали. А гонорары за эти книги Девойно отдал в фонд помощи инвалидам. На эти деньги был полностью реконструирован Минский протезный завод. Это начинание еще покойный Машеров благословил. А еще, благодаря Девойно, в СССР стали делать легкие и удобные инвалидные коляски, костыли под локти. Меня на такой коляске, кстати, в госпитале на процедуры возили. А потом и костыли взял, когда раны затянулись. Помню, порадовался: наконец сделали что-то путное! А это, оказывается, наш фигурант посодействовал.

- Это ж какие у него гонорары? - удивился Долгих.

- Миллионы марок. И все отдал.

- Наш человек! - сказал Долгих. - Советский. Ты, Костя, его не трогай.

- И не собирался! - хмыкнул Константин. - Обидеть писателя? Сейчас? У нас же гласность и перестройка, мать их! Вон будет - не отмоешься. Да и зачем? Человек он, по всему видно, хороший, людям старается помочь. Аварию вон предотвратил. Да с него пылинки сдувать нужно! Его только за маньяков орденами следовало обвешать, как новогоднюю елку. Нет, Владимир, я к нему даже не подойду. Говорить будешь ты.

- Как?

- Позвони и пригласи на беседу. Сам. Телефон его я запомнил. Приемной не доверяй. Не то начнут гадать: с чего это секретарь по тяжелой промышленности ищет писателя? Что может их связывать? Сам знаешь, какие времена.

Долгих кивнул.

- А как приедет, маякни мне. Очень хочу познакомиться с этим человеком!

- Думаешь, сообщит что-то важное? - спросил Долгих.

- Сомневаешься? А это что? - Константин двинул по столу папку. - Человек со средним образованием мало того, что знает об аварии наперед, так еще описывает ее так, что академик удивляется. За этим парнем что-то стоит. Или кто-то. Я даже представить не могу, как он прозревает будущее. Но от мыслей по этому поводу дух захватывает...

22.

Ночь на 26 апреля я провел без сна. Сидел у транзистора, ловя "голоса". В том времени, насколько я помнил, об аварии на ЧАЭС они сообщили еще до утра. Вернее, не о самой аварии, а о выпадении радиоактивных осадков в Европе. Первыми тревогу забили шведы. Их там не хило приложило, прямо из штанов выскакивали. По этому поводу в СССР даже анекдот появился: "Слышали? В Чернобыле памятник Петру I устанавливают. С надписью: "Отсель грозить мы будем шведу"..."

Мне было не анекдотов. Предстояло понять: помогло мое обращение к Александрову, или я пролетел мимо? Ведь академик мог мне не поверить или не суметь предотвратить катастрофу. Он не главный человек в СССР, да и лет ему много...

"Голоса" молчали. Нет, трюндеть они-то трюндели, но все о своем, демократическом. О радиации - ни слова. С рассветом я взял ДП-5 и спустился во двор. Откуда у меня армейский дозиметр? Военные подогнали. Я выступал перед солдатами в одной из минских частей и попросил одолжить на время. Дескать, пишу роман о ядерном апокалипсисе на другой планете, поэтому прибор нужен для изучения правдоподобности поведения героев. Дали без звука. В армии меня любят. Мало кто в СССР пишет военно-исторические приключения. И пусть сюжеты моих книг фантастические, но главные герои - военные. А армию здесь пропагандируют. Пишут книги, снимают фильмы - например, "В зоне особого внимания", "Ответный ход". Фильмы получаются неплохие, а вот

книги... Авторы их скованы сонмом дебильных ограничений. То нельзя, это не моги. Зато в фантастическом сюжете преград нет. Резвись - не хочу. Поэтому и читают.

Снаружи моросил дождь - все как в моем времени. Я это хорошо помнил. В свою новую квартиру в том времени мы въехали 25 апреля 1986 года. Стоял теплый весенний день. Мы отворили окна, наслаждаясь погодой. А назавтра пошел дождь. Была суббота, но я отправился в редакцию. Мы проводили "прямую линию" с министром связи. Позже мне рассказали, что в этот день радиационный фон в Минске скакнул до полутора миллирентгенов. Если учесть, что ДП-5, несмотря на его кондовость, десятую долю миллирентгена ловит, представление я получу.

Собрав прибор, я нацепил наушники и двинулся вдоль дома, поводя щупом над землей. Дозиметр молчал. Нет, время от времени в наушниках щелкало, но на это не стоило обращать внимания. Обычный фон. Я помнил, как в них трещало на зараженной земле. В том времени я несколько раз ездил в командировки в "зону". Писал репортажи, брал интервью. Естественно, опробовал дозиметр. Мне за те поездки даже удостоверение ликвидатора выдали. А спустя тридцать лет вычеркнули из списков. Их периодически сверяли, каждый раз требуя заново предоставить документы. В последний раз мне заявили, что сведения о моих командировка утеряны. Из-за этого у меня отобрали добавку к пенсии. Мизерную, но все же... Еще ранее белорусских ликвидаторов лишили практически всех льгот. Заявили, что, дескать, жирно живут, народу это не нравится. А что мешало "народу" в 1986-1987 годах проявить сознательность и, так сказать, грудью встать на защиту страны? В военкоматах добровольцев встречали с распростертыми объятиями. Только их не было - "народ" тихарился по углам. Зато после стал возмущаться. Самым тяжким для моих друзей-ликвидаторов стало лишение их бесплатных лекарств. К тому времени многие были на пенсии и тяжело болели. Лекарств требовалось много, и стоили они дорого...

- Что гэта ты робишь, Александрович?

Я оглянулся. Сосед. И вот не спится человеку в выходной день! Деревня, привыкли рано вставать.

- Радиацию замеряю, Иванович.

- Чаму?

- Да вот говорят: при строительстве домов в бетон добавляют гранитный щебень. А тот, дескать, радиоактивный.

А что? Ходила в моем времени такая мулька. После Чернобыля радиацию где только не искали. Паниковал "народ".

- И як? - заинтересовался сосед.

- Нет тут никакой радиации. Смотри! - я подошел к соседу и указал на шкалу. Стрелка лежала на нуле. - Врут.

- Вучоны ты чалавек, Александрович! - уважительно сказал сосед. - Я бы не втямил проверить.

- Да уж! - согласился я, и отправился к себе. На пороге меня встретила Лиля.

- Ты куда ходил? А это что?

- Дозиметр, - объяснил я и потащил ее в кухню. Начнем разговаривать в прихожей - разбудим детей. - Понимаешь, мне тут по секрету сказали, что в Чернобыле на атомной электростанции произошла авария. Был выброс радиации, которую разнесло ветром. Решил проверить. Только нет ничего. Скорее всего, врут. Но детей на улицу не выпускай на всякий случай. Да и дождь там. Мультки им поставь, займи чем-нибудь. А я подремлю.

- Ночь из-за этого не спал? - догадалась Лиля. - Слушал "голоса"?

Я кивнул.

- И что сказали?

- Про станцию - ничего. А так - клеветают.

Лиля засмеялась. Мы попили чаю, я собрал дозиметр. Перед этим пришлось показать жене, как он работает - любопытная она у меня. А затем я завалился на диван в кабинете. Разбудил меня звонок из Москвы...

Сказать, что я охренел, означало не передать всей гаммы чувств, что я испытал, взяв трубку. Ожидалось всякое, но чтобы секретарь ЦК КПСС лично связался с молодым писателем и пригласил его для разговора к себе... Поэтому поначалу я говорил заторможено. Спихватился только в последний момент.

- Владимир Иванович, можно вопрос?

- Да, - раздалось в наушнике.

- Что в Чернобыле?

Собеседник ответил не сразу.

- Были неприятности, - сказал, будто взвешивая слова. - Но того, о чем вы предупреждали, не произошло. Анатолий Петрович своевременно вмешался. Он лично выехал на станцию. Жду вас в следующую субботу в 10 часов утра. Успеете?

- Да! - заверил я.

- Тогда до встречи.

В наушнике запиликали короткие гудки. Я положил трубку и некоторое время тупо смотрел перед собой. Затем вскочил и пустился в пляс. Получилось. Получилось, мать вашу! Йес! Александров - форева! В

восемьдесят три года отправиться на станцию и навести там шороху... Я думал, что он ограничится звонком. Уважаю! Можно сказать, преклоняюсь.

На шум в прихожую выбежали дети. Увидев танцующего папу, поняли это, как приглашение к игре. Спустя несколько секунд я превратился в лошадку под управлением трех наездников. Причем, отпускать лошадку на волю всадники явно не собирались. Они ведь давно встали, позавтракали, посмотрели мультики, затем вновь покушали, а папа все это время нагло дрых. Непорядок! Пусть отдувается!

От детского плена меня освободила Лиля.

- Дождь перестал, - сообщила она расшалившейся компании. - Пойдем на улицу?

После слова "улица", меня сразу бросили. Во дворе интереснее. Там карусели с качелями, песочница, домик на курьих ножках и многое другое. А еще друзья-приятели из других квартир. Мы в четыре руки одели детей, и Лилия их увела. А я отправился в кабинет, где нашел нужную мне папку.

Привычка вести досье появилось у меня еще в том времени. В настоящей журналистике без этого никак. Многие этим пренебрегали, в результате мучились поиском информации. В век интернета на досье и вовсе забыли. Дескать, "гугл" в помощь. "Гугл" он, конечно, гугль, но, во-первых, в интернете не все есть. Во-вторых, искать в нем информацию нужно уметь. Для начала знать ключевые слова. А где их взять, если содержание поиска представляешь смутно? В том времени я отслеживал интересные мне публикации в интернете, копировал их и распределял по тематическим папкам. В итоге насобирал два терабайта информации. Как она помогала в работе! Например, когда в СМИ вдруг всплывала незнакомая политическая фигура, журналисты бросались искать о ней сведения. Находили вершки. Обычно то, что этот деятель хотел о себе сообщить. А я подымал архив, обнаруживал давние цитаты, высказывания, мнения руководителей и подчиненных. Поэтому публикации нашего журнала отличались достоверностью и глубиной анализа. Когда информации много, переварить ее - дело техники.

Здесь интернета нет, поэтому я собираю вырезки из газет и журналов. Их, к слову, можно за небольшую сумму заказать в Союзпечати. Подпишись и укажи тему. Настригут из не проданных изданий, поставят штамп с датой и названием издания, засунут в конверт и вышлют. В том времени я этой услугой активно пользовался. В этом - тоже.

О Долгих я не помнил практически ничего. Ну, был такой товарищ в ЦК. Мелькал на общем фоне, в первые ряды не лез. Ушел на пенсию еще до развала СССР. Но не пропал. За пару лет до своего ухода я видел в

новостях, как Путин награждает Долгих орденом. Вроде как по случаю девяностолетия. Из этого следовало, что Владимир Иванович - человек умный и толковый. Ушел вовремя. Это не Лигачев, которого выпихивали из власти, а тот кричал: "Чертовски хочется работать!"

Вырезка из газеты с официальной биографией Долгих кое-что прояснила. Секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро. Бывший директор Норильского горно-металлургического комбината. Затем возглавил Красноярский крайком КПСС. Оттуда стартовал в секретари ЦК. Отраслевые. Курирует тяжелую промышленность и энергетику. Теперь понятно, почему Александров пошел именно к нему. Что нужно от меня Долгих, тоже ясно. И я бы на его месте заинтересовался. Звонок молодому писателю объясним. Есть информация, которую лучше знать одному. Что ж... В 90-е я зарабатывал, как мог. Тогда в независимой Беларуси одно за другим открывались посольства. Приезжавшие к нам дипломаты ничего не знали о стране пребывания. И у коллег родилась светлая мысль - писать для них аналитические обзоры. Формировать из них своеобразный журнал по важнейшим направлениям. Политика, экономика, культура, религия - современное состояние и тенденции развития. Посольские ухватились за идею обеими руками. Подписка на журнал им обходилась 100 долларов месяц. Для них - копейки, для нас - огромные деньги. В редакции я получал 30 долларов в месяц. Работали мы с душой, число подписчиков неофициального журнала постоянно росло. Через год дипломаты въехали в тему, нужда в нас отпала. Но навыки я не растерял.

Если Долгих нужна информация, я ее дам - полно и обстоятельно. И на этом распрощаемся. Дальнейшее от меня не зависит. Кто я в политических раскладах? Пылинка... Мне и так удалось прыгнуть выше головы. Главная цель моего пребывания в этом мире выполнена. Катастрофа в Чернобыле не произошла. Теперь поживу для себя. Так думал я, не представляя, насколько заблуждаюсь...

В здание ЦК меня пропустили без проблем. Милиционер на вахте сверил фото в паспорте с оригиналом, вложил в него корешок пропуска и подсказал, как разыскать нужный кабинет. В портфель заглянул для проформы. Что там смотреть? Пара белья, чистые носки и носовой платок, мыльно-рыльные принадлежности. Ну, и тонкая папочка с бумагами. Стандартный набор командированного. Или того, кто готов оказаться в камере. Последней возможности я не исключал. Поэтому Лиле сказал, что,

возможно, задержусь. Дескать, читатели жаждут общения с любимым писателем. Она только головой покачала: что-то я зачастил в Москву. Может, любовницу завел? Я заверил, что никакой любовницы у меня не имеется. Нет в мире женщины, способной изгнать из моего сердца милый колосок. Говорил искренне, поэтому был отпущен.

Долгих в кабинете оказался не в одиночестве. Вместе с ним из-за стола встал худощавый мужчина за пятьдесят. Строгое лицо, заметно тронутый сединой "ежик" и цепкие, льдистые глаза. Все ясно. Видали мы такие.

- Знакомьтесь! - сказал Долгих после обоюдных приветствий. - Это мой давний друг... - слово "друг" он выделил интонацией, тем самым давая понять, встреча неофициальная, - Концевой Константин Константинович.

- Совсем как Рокоссовский! - заметил я.

- Куда мне до Рокоссовского? - улыбнулся Концевой. - Тот маршал.

- А ваше звание? - поинтересовался я.

Концевой обменялся с Долгих взглядами. Тот кивнул.

- Генерал-майор, - ответил Концевой.

- Тоже неплохо, - заметил я и процитировал слова из популярной песенки Хиля: - "Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом, лучшей работы я вам, сеньоры, не назову!"

Долгих с Концевым заулыбались. Вот и замечательно. Контакт прошел, атмосфера потеплела. Для предстоящего разговора самое то.

- Присаживайтесь, Сергей Александрович! - Долгих указал на стул за приставным столом.

Я последовал приглашению. Принимающая сторона устроилась напротив.

- Вы, наверное, теряетесь в догадках, зачем вас пригласили? - начал Долгих.

- Не теряюсь, - возразил я. - Не бином Ньютона. У вас побывал Александров и рассказал о моем визите. Вам стало интересно: откуда я знал про Чернобыльскую АЭС?

- Не только про нее, - внезапно встрял Концевой. - Про маньяков в КГБ вы писали?

- Я.

- А письмо Чикатило?

- И ему.

- Знаете, что он повесился?

Я кивнул.

- Как узнали?

- Позвонил с почтамта в училище, где он работал. Попросил позвать к

телефону Чикатило. Там ответили, что он умер и рассказали как.

- Зачем вы это сделали?

- В моем времени эта сволочь замучила 56 детей.

- Сколько? - ахнул Долгих.

- И что значит, "в моем времени"? - ухватил главное генерал.

- Потому что в реальности мне семьдесят три года, хотя по паспорту - тридцать два. Я умер в 2016 году, прожив не слишком долгую, но весьма насыщенную жизнь. Работал журналистом, писал книги. После смерти мое сознание пожилого человека непонятным образом перенеслось в меня самого, двадцатилетнего. В тот миг я лежал в больнице с производственной травмой, - я коснулся пальцами шрама на лбу. - Как и почему это произошло, я не знаю. Бог ли этому поспособствовал, или неизвестное науке явление, но это случилось. Чем я и воспользовался. Не повторил ошибок, совершенных в прежней жизни. Сочинил несколько хороших книг. В той жизни успеха в литературе я не имел. Здесь получилось. Ну, и с серийными убийцами помог. Чернобыль, опять-таки.

Концевой с Долгих вновь обменялись взглядами.

- Про маньяков откуда знаете? - спросил генерал.

- Писал о них цикл статей.

- И их напечатали? - не поверил Долгих. - Целый цикл? И Главлит пропустил?

- К тому времени Главлита уже не было. Как и СССР.

- Что?! - Долгих привстал.

- Сиди, Володя! - Концевой положил ему руку на плечо. - У меня есть основания верить товарищу. Информацию он поставлял точную, да и зачем ему врать? Так, Сергей Александрович? - он повернулся ко мне. - Расскажите нам?

- Вот! - я достал из портфеля и выложил на стол папку. - Все здесь. Но я не знал, что вас будет двое, поэтому экземпляр один.

- И хорошо, что один, - пробурчал генерал, раскрывая папку. - Такие вещи вовсе положено писать от руки.

Не обращая внимания на требовательный взгляд Долгих, он впился глазами в текст. Прочитанные страницы передавал другу. Читали они долго. Было что. Предоставленную мне неделю я использовал по полной. Обзор вышел обстоятельным. Политика - внутренняя и внешняя, экономика, национальные отношения, культура... Развал СССР и блока социалистических стран, сдача ГДР, НАТО у наших границ. А еще резня на национальных окраинах, рухнувшая на колени экономика, лихая приватизация, олигархи, бандитские 90-е... Работая над обзором, я как

будто переживал все вновь. Эмоции зашкаливали. Я гнал их, но они прорывались. И вот теперь передавались читающим. По лицу Концевого бегали тени, но это было единственным, что он себе позволил. А вот Долгих не сдерживался. Несколько раз выругался, а однажды даже хватил кулаком по столу.

- Это правда? - спросил он, положив на столешницу последний листок.

- Память у меня не идеальная, - сказал я. - Могу ошибиться с точной датой. Но основные события изложены точно. Ручаюсь.

- Спасибо, Сергей Александрович! - сказал генерал. - Не могли бы вы подождать в приемной? Нам с Владимиром Ивановичем нужно поговорить.

- А я позвоню в буфет и попрошу принести вам чаю, - подключился Долгих. - Вы ведь прямо с поезда?

Я кивнул.

- Тогда прошу.

Я взял портфель и вышел в пустую приемную. Минут через пять в нее заглянула официантка с подносом. Помимо чая, на нем красовалась тарелка с бутербродами и вазочка с конфетами. Я с удовольствием перекусил. Бутерброды с ветчиной и вареной колбаской оказались на редкость вкусными, конфеты - само собой. Да и чай наверняка цейлонский. В ЦК не бедствует. Это в стране положение с продовольствием аховое. Даже в Москве проблемы. И в Минске...

Совещались у Долгих долго. Официантка успела забрать использованную посуду, а я - вволю полюбоваться на Старую площадь из окна. Наконец, дверь в кабинет отворилась, в приемную выглянул Концевой. Выглядел он слегка встрепанным.

- Сергей Александрович, прошу!

В кабинете я понял, что друзья пришли к единому мнению. Уж больно целеустремленными выглядели их лица.

- Хочу спросить - сказал генерал, едва я сел. - Вы знаете, как этого можно избежать?

Он постучал указательным пальцем по папке.

- Нет, - отбоярился я. - В свое время я не входил во власть. Как работает она в СССР, знаю понаслышке.

- Не лукавьте! - покачал головой Концевой. - Не поверю, что вы об этом не думали. Иначе этого, - он вновь постучал по папке, - мы бы не увидели. Вы человек мыслящий, с широким кругозором. По тексту чувствуется.

- Вам интересны рассуждения дилетанта?

- Говорите! - поощрил меня генерал.

- Тогда позвольте!

Я взял папку, открыл текст на нужной странице и подчеркнул ногтем одно слово. После чего протянул листок Концевому.

- ГКЧП? - удивился он. - У вас же он провалился.

- Разумеется, - кивнул я. - Во-первых, замутили его поздно - страна ушла в разнос. Во-вторых, переворот возглавили алкоголики-комсомольцы. Объявили путч и напились. Действовали они вяло и нерешительно. В-третьих, ни в коем разе нельзя было привлекать армию. У нее другие функции. Зачем, спрашивается, вводить в город танки? Народ пугать? Ну, напугали... После того, как танки задавили троих, Москва восстала. Люди кинулись возводить баррикады. Ведь есть дивизия имени Дзержинского и другие части внутренних войск, которые обучены бороться с массовыми беспорядками. Хватит за глаза.

Концевой посмотрел на Долгих.

- МВД, - пробормотал тот.

- Вы сказали про опоздание, - сказал генерал. - Оптимальные сроки для переворота, на ваш взгляд?

- До 1 октября 1988 года.

- Почему?

- В этот день Горбачева изберут Председателем Президиума Верховного Совета. Он официально займет высший пост в государстве. И его отстранение станет незаконным. А вот сейчас он всего лишь руководитель КПСС. Если партию распустить...

- Но-но! - встрепнулся Долгих.

- Погоди, Владимир! - вмешался Концевой. - Продолжайте, Сергей!

- Если нет партии, то нет и Горбачева. Он станет никем - как внутри страны, так и за рубежом. Реальная власть перейдет в руки Верховного Совета и правительства. Или вы думаете, что коммунисты горой встанут за любимого вождя? - я усмехнулся. - В моем времени даже не рыпнулись. Закрыли кабинеты и отдали ключи. Нынешняя КПСС - это не та партия, которая выиграла войну. Паразитическая прослойка, ненавидимая народом.

Долгих засопел.

- Пусть так, - кивнул Концевой. - Хорошо, взяли власть. А что дальше? В стране голодно, не хватает самых необходимых товаров. И это положение ухудшается. В чем обвинят новое руководство. Начнутся бунты. Что делать?

- У нас есть оружие.

- Предлагаете подавлять бунты силой?

- Нет. Есть тысячи танков, самолетов и вертолетов, которые нам не

нужны. Ближайшие тридцать лет нам не с кем воевать. В моем времени это оружие порежут на металлолом. А ведь оно стоит денег! И немаленьких. Оружие нужно продать - с дисконтом и на льготных условиях. Можно по бартеру, меняя на продовольствие или на товары массового спроса. Купят. В мире полно стран, которым требуются танки и самолеты. И нужные нам товары у этих стран тоже есть. В Аргентине - зерно и мясо. Индия и Пакистан производят отличный текстиль. В странах Африки добывают алмазы. Вариантов множество. Просто ими не занимались. Оружие мы поставляли дружественным режимам практически даром. После этого нас посылали далеко. Хватит! Оружие - это товар, востребованный и дорогостоящий. Пусть покупают! На пару лет хватит. К тому времени оживится сельское хозяйство. Стоит убрать от колхозов партию, разрешить им хозяйствовать самостоятельно, вернуть истинный смысл паев... Говорить я могу долго.

- А вы напишите! - предложил Концевой. - У вас это хорошо получается.

- Нужна машинка.

- В приемной, - сказал Долгих. - Бумага там же.

- Один экземпляр! - напомнил генерал.

И я написал. Присидел в приемной несколько часов. Периодически из кабинета выглядывал Концевой, забирал готовые листы и уходил. Дважды официантка приносила нам чай и бутерброды. Перед ее появлением я бросал писать, закрывал машинку чехлом и прикидывался посетителем. На этом настоял генерал. Кабинеты партийных функционеров не прослушиваются, это категорически запрещено. А вот официантку могли завербовать. Зачем ей знать лишнее?

Я настолько разошелся, что по собственной инициативе сочинил обращение ГКЧП к советскому народу. Концевой, прочитав, одобрительно хмыкнул, а Долгих поморщился. Ну, так я там КПСС приложил. А Владимир Иванович - секретарь ЦК.

- Спасибо! - сказал Концевой, хлопнув ладонью по моей писанине. - Вопросов у нас больше нет. Поезжайте домой. С билетом помочь?

- У меня есть, - сказал я. - На "единичку".

- Тогда до встречи!

- То есть? - насторожился я.

- Вы ведь не откажетесь помочь?

- Не откажусь, - подтвердил я. Куда мне из лодки? Того, что я тут сочинил, на лет 15 хватит. Строгого режима. Причем, это в лучшем случае. Если узнают Горбачев и его клика... Это на словах они демократы. А так

прихлопнут и не поморщатся. Те еще господа-товарищи.

- Еще раз спасибо.

Мы обменялись рукопожатиями и расстались. Время не поджимало, и до отхода поезда я успел купить гостинцы жене и детям. Дома, конечно, все есть, но приехать с пустыми руками... Не поймут. Если у вас есть дети, то знаете.

23.

1986 год завершился спокойно. Все шло, как в моем времени. Народ толпился в очередях за водкой и колбасой, Горбачей с Раисой Максимовной ездили по стране и за границу. Трындели про перестройку, гласность и плюрализм. Гладкие, сытые, разодетые, они лучились от довольства. Тот факт, что каком-либо Мурманске мясо людям продавали по талонам раз в месяц, их не волновал. А вот строительство дачи в Форосе - да. Этот дворец обойдется стране в миллиард долларов. Ну, так для демократов строят. Это вам не прежние генсеки, которых устраивала дача в Ливадии.

Москва меня не беспокоила. В первое время я чуть ли не каждый день ждал звонка, но его все не было. Наконец мне это надоело, и я махнул рукой. Концевой с Долгих могли передумать и отказаться о замысла, оценив его сложность. В конце концов, мне ничего не обещали. Ну, и ладно. Переживем.

Осенью в газетах промелькнуло сообщение: Долгих освобожден от должности секретаря ЦК в связи с переходом на другую работу. На какую, стало известно вскоре. Владимира Ивановича избрали первым заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР. Его предшественника, Кузнецова, наконец-то выправили на пенсию. Ну, так за 80 человеку, наработался. Трижды исполнял обязанности председателя Президиума - после смерти Брежнева, Андропова и Черненко. В пору в книгу Гиннеса вносить. Когда в 1985 году партийная клика делила власть, должность председателя Президиума отошла к Андрею Андреевичу Громько. "Мистеру "нет", как звали его за рубежом, сейчас 77. Жить ему осталось чуть более двух лет. На его фоне 62-летний Долгих кажется юношей. Понятно, что все работа ляжет на плечи Владимира Ивановича, и он этим воспользуется. В том времени, насколько я помнил, первым заместителем Громько стал Демичев. Тоже секретарь ЦК по промышленности и кандидат в члены Политбюро. На какие пружины нажал Владимир Иванович, чтобы изменить расклад, я не представлял, но ход оценил. Верховный Совет по Конституции - высший орган власти в

стране. Издаёт указы, имеющие силу закона, может объявить войну или ввести военное положение. Это сейчас всем заправляет КПСС, а ее генсек уже нацелился на кресло председателя Президиума. Думает, как Громыко скovyрнуть. Долгих он считает не опасным. Пусть и дальше так и думает.

Я насторожился, но ничего не происходило. Шел месяц, другой, третий... Страна отметила Первомай, пережила лето, затем посмотрела по телевизору парад на Красной Площади по случаю 70-летия Октябрьской революции. Звонок раздался в конце ноября.

- Твой самолет через два часа, - сказал Концевой. - Билет заказан. Не опоздай.

- А что так долго? - не удержался я.

- Скоро только кошки плодятся, - вздохнул генерал. - И без того еле успели. Поспешай, Сергей! Дел невпроворот.

- Буду, - сказал я и положил трубку. Началось, значит. Странно, но я был на удивление спокоен. Даже рад. Хотя переворот мог кончиться плохо. В случае удачи результат тоже не известен. Но я хотя бы попытаюсь изменить известную мне историю. В той жизни у меня такой возможности не было.

В актовом зале Центрального телевидения в Останкино было шумно. Собравшиеся руководители редакций и ведущие журналисты горячо обсуждали последние новости. Те ошеломляли. Еще вчера программа "Время" сообщила об отбытии генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева и его супруги в зарубежную поездку. На протокольных кадрах Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна прощались у трапа самолета с провожавших их товарищами. А утром грянуло. Диктор Анна Шатилова с каменным выражением лица зачитала сообщение о переходе власти страны в руки никому неизвестного Государственного комитета по чрезвычайному положению, сокращенно - ГКЧП. Одновременно это самое положение в стране и вводилось - указом Президиума Верховного Совета СССР. Временно, до созыва чрезвычайной сессии Верховного Совета. Граждан страны призывали не поддаваться на провокации и заниматься созидательным трудом. Одновременно сообщалось о перестановках в руководстве страны. Свои посты потеряли председатель КГБ Чебриков, министры внутренних дел Власов и обороны - Язов. Их сменили как известные журналистам, так и совершенно незнакомые люди. К числу последних, например, принадлежал новый председатель КГБ генерал

Концевой. А вот генерала Варенникова, возглавившего министерство обороны, многие журналисты знали.

Обсуждалась и внезапная болезнь Председателя Президиума Верховного Совета Громыко. Указы, вводившие в стране чрезвычайное положение, и о назначении новых руководителей подписал его первый заместитель Долгих. Журналисты-международники в разговорах между собой понимающе щурились: болезнь "дипломатическая". Но более всего поражало сообщение о роспуске КПСС. Если отставками и назначениями, пусть даже внезапными, удивить журналистов трудно - и не такое видели, то ликвидация "руководящей и направляющей силы" бросала в оторопь. Среди документов, зачитанных диктором, было и заявление ГКЧП по этому поводу. В нем каждое слово било, что называется, под дых. "Некогда передовой отряд советского общества превратился в паразитическую прослойку, живущую исключительно для себя..." "Они построили себе роскошные дачи, создали распределители, куда поставляются специально изготовленные для них продукты питания. В то время как во многих городах люди не в состоянии купить детям молока..." "Если сыновья Сталина защищали страну, и один из них даже отдал за нее жизнь, то отпрыски современных руководителей не знают, как надевать сапоги. В их представлении защищать Отечество должен кто-то другой..." В сообщении говорилось о новой даче Горбачева в Форосе, называлась сумма, в которую она обойдется стране. От цифры дух захватывало: 880 миллионов рублей! Да за эти деньги жилой микрорайон можно построить - и не один. Сообщалось о количестве нарядов, пошитых для Раисы Максимовны в специальном ателье в период пребывания ее мужа в должности генерального секретаря, приводилась сумма потраченных ею на драгоценности денег. И то и другое ужасало. В заключение шел однозначный вывод: "КПСС и ее руководство утратили доверие народа. В ряде республик партийный билет, как и должность, давно можно купить. В сегодняшней ситуации сохранение этой паразитической структуры с ее морально разложившимся руководством представляет опасность для страны".

Собравшие в зале прекрасно осознавали: все, что сказано в этом заявлении, правда. Но, с другой стороны, так было всегда. Или, по крайней мере, в последние десятилетия. Как же без партии?

Журналисты, успевшие проехаться по улицам Москвы, делились впечатлениями. Государственные учреждения взяты под усиленную охрану внутренними войсками. Кое-кто разглядел за решетчатыми оградами силуэты БТР. Кто-то произнес слово "путч". Оно вылетело и запорхало по

залу.

Наконец открылась боковая дверь, и в зал вошли три человека. Двоих из них сразу узнали. Председатель Гостелерадио СССР Аксенов и генеральный директор Центрального телевидения Шабанов. А вот третий человек аудитории был незнаком. Молодой мужчина лет тридцати пяти, стройный и подтянутый. И одет он был не в костюм с галстуком, как другие, а в серый пуловер с воротником-стойкой. Верхняя пуговица пуловера расстегнута, виднеется воротник голубой рубашки. Еще на госте были синие джинсы и коричневые ботинки. Странный наряд для такого собрания.

Аудитория притихла. Троица прошла к сцене и расселась за приготовленным для них столом. При этом незнакомец с улыбкой посмотрел на растревоженный зал. Аксенов встал, и собравшиеся притихли.

- Здравствуйте, товарищи! - произнес председатель Гостелерадио. - Думаю, вы в курсе последних событий. Многие теряются в догадках: как нам теперь работать? Мы попросили разъяснения у Государственного комитета по чрезвычайному положению. Он прислал своего представителя. Позвольте представить: Сергей Александрович Девойно.

Мужчина в пуловере встал и поклонился.

- Прощу, Сергей Александрович!

Гость выбрался из-за стола и подошел к краю сцены.

- Позвольте! - в зале вскочила женщина с лицом интеллигентной общественницы. - Вы писатель Девойно? Тот самый?

- Именно! - подтвердил гость.

- Я читала ваши книги, - сказала женщина. - Некоторые не по одному разу. И не могу понять: как вы оказались среди путчистов?

Зал загудел.

- Киреева! - вскочил Аксенов.

- Не нужно, Александр Никифорович! - остановил его Девойно. - Вопрос задан, и я на него отвечаю. Простите, не знаю, как вас звать, - повернулся он к активистке.

- Светлана Викторовна.

- Хочу спросить вас, Светлана Викторовна. Давно брали в руки Конституцию СССР?

- Ну... - Киреева замялась.

- Вижу, что давно, - заключил Девойно. - Что ж, помогу. Статья 2. Цитирую: "Вся власть в СССР принадлежит народу. Народ осуществляет государственную власть через Советы народных депутатов, составляющие

политическую основу СССР. Все другие государственные органы подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов". Точка. Государственный комитет по чрезвычайному положению создан постановлением Президиума Верховного Совета СССР - высшего органа власти в стране, который обладает для этого всеми необходимыми полномочиями. О каком путче речь?

Киреева замялась, но тут же нашлась:

- А как же КПСС? О ней тоже есть в Конституции!

- Есть, - согласился Девойно. - Статья 6. "Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза. КПСС существует для народа и служит народу".

- Вот! - подняла указательный палец женщина.

- А последний пункт этой статьи гласит, - невозмутимо продолжил "путчист": - "Все партийные организации действуют в рамках Конституции СССР". То есть, согласно статье 2, Верховный совет имел право КПСС распустить. Он сделал это потому, что партия не выполнила свои конституционные обязанности. Она перестала служить народу. Зато присвоила себе властные полномочия и руководила страной в нарушение Конституции. Как это руководство у нее получалось, вы знаете. Страна, обладающая самыми большими посевными площадями и самыми богатыми черноземами в мире, закупает зерно за границей. Во многих городах СССР родители не в состоянии купить детям молока: его или нет в продаже, или быстро разбирают. В связи с этим мне припоминается один эпизод. Как-то весной мы с коллегами-писателями отправились в районный центр на встречу с читателями. На подъезде к городу увидели завязший в поле трактор. Он сидел в земле по самую кабину. Мы поинтересовались у местных жителей, что за чудо? Нам рассказали. Оказывается, райком партии требовал от председателя колхоза начать сев. Тот ответил, что рано, земля еще не просохла. Но райком категорически приказал начать. Тогда председатель выгнал в поле трактор и посадил в грязь у самой дороги для того, чтобы партийные руководители могли подъехать и убедиться лично.

Девойно помолчал.

- Для меня этот трактор стал символом партийного руководства страной. Почему в райкоме требовали от председателя начать сев? Они, что, лучше разбирались в сельском хозяйстве? Отнюдь. Им хотелось отчитаться о скорейшем завершении весеннего сева и получить одобрение вышестоящего руководства. А то, что зерно ляжет в холодную почву и там

сгниет, партийное руководство не волновало. За неурожай ответит председатель. И так везде. Дать указание и не нести за это ответственность - это стиль партийного руководства. Оно давно живет для себя, наплевав на нужды народа. К счастью, в стране нашлись люди, которые вспомнили под каким лозунгом наши деды и прадеды совершили Октябрьскую революцию. На их транспарантах было написано: "Вся власть - Советам!" А вот лозунга "Вся власть - партии!" не было. Ведь так, Светлана Викторовна?

- Но с Раисой Максимовной вы поступили нехорошо, - не сдалась Киреева. - Зачем было сообщать об ее платьях?

- Отвечу, - кивнул Девойно. - Вы присаживайтесь, Светлана Викторовна, а то мне неудобно. Стоите передо мной, как школьник перед учителем.

Аудитория заулыбалась. Киреева села.

- Насчет Раисы Максимовны. Вы знаете, что Великобританией правит королева Елизавета II. Утверждают, что она каждый день меняет платье. Раиса Максимовна перещеголяла королеву. В ходе визита Горбачева в Мурманск сменила два.

Зал хохотнул. Жену Горбачева журналисты, как, впрочем, многие в СССР недолюбливали.

- А теперь вспомним, кто такая Елизавета II, и кто - Раиса Максимовна. Королева - глава государства. На ее содержание парламент Великобритании выделяет значительные средства. Да и она сама женщина не бедная. Так что может себе позволить. Кстати, если кто не знает, в прошедшую войну Елизавета, будучи наследницей престола, в восемнадцать лет добровольно вступила во Вспомогательную территориальную службу Великобритании и в чине лейтенанта служила водителем санитарного автомобиля. Ее поданные сыты и одеты. У них нет проблем с молоком, как и с остальными продуктами. В стране - бесплатное образование и здравоохранение. Рабочим строят государственное жилье. Если здесь есть специалисты по Великобритании, пусть подтвердят.

- Так и есть! - раздался из зала голос.

- А теперь вернемся к Раисе Максимовне. Что она сделала для страны? Ну, кроме того, что удачно вышла замуж?

Аудитория засмеялась.

- Щеголять нарядами в то время, как большинство наших женщин не могут купить себе нормальное платье, а их дети голодают... Для меня это - за пределами морали. Впрочем, подобное не удивительно. Вы знаете, как Горбачев стал генеральным секретарем?

В зале оживились. Ожидалось что-то интересное. И Девойно эти ожидания не обманул.

- У Горбачева не было единодушной поддержки в Политбюро. Его могли не избрать. Тогда бывший председатель КГБ СССР Чебриков организовал переброску сторонников Горбачева в Москву военными самолетами. А вот прилет его противников - Романова и Щербицкого - искусственно затормозил. Романов так и не смог вылететь из Каунаса - он в это время отдыхал в Литве, а Щербицкий - из Лос-Анжелеса, где находился с визитом. Для первого не смогли расчистить полосу от снега - это для члена Политбюро! - а у второго вдруг резко "загулял" экипаж самолета. Благодаря этому Горбачев и пришел к власти. Вот он и есть реальный путчист, уважаемая Светлана Викторовна!

Аудитория загомонила.

- Кстати, Александр Трофимович, - повернулся Девойно к Аксену. - Было бы неплохо рассказать об этой истории телезрителям. Григорий Васильевич Романов и Владимир Васильевич Щербицкий готовы ответить на вопросы журналистов.

- Сделаем! - кивнул Аксен.

По залу будто ветерок пробежал. Если такие политические "зубры", как Романов и Щербицкий, встали на сторону заговорщиков, то у них серьезная поддержка на местах. Девойно будто услышал.

- Среди членов КПСС и ее руководителей немало достойных людей. Честных, болеющих за страну патриотов. Их опыт и знания будут востребованы. Роспуск КПСС не означает запрета коммунистической партии. Если сторонники коммунистических идей пожелают создать ее заново, препятствий не возникнет. Только эта новая партия будет действовать строго в соответствии с советскими законами. Как и прочие.

- Простите! - в зале встал седой мужчина. - Означают ли ваши слова, что в стране вводится многопартийность?

- Означают, - кивнул Девойно. - И ничего страшного в этом нет. В ряде социалистических стран Европы, например, в ГДР действуют несколько партий. Это совершенно не мешает нашим немецким друзьям строить социализм. Наоборот. Любая монополия, в том числе на власть или идеологию, ведет к загниванию. Об этом еще Маркс писал. Цель моих товарищей по ГКЧП вернуть принципы, ради которых наши предки совершили Октябрьскую революцию. Потому что гласность, перестройка и плюрализм, провозглашенные Горбачевым и его кликой - всего лишь ширма. Декорация, за которой укрывается желание устроить себе сладкую жизнь за счет народа. Больше так не будет. Депутатов в советы всех

уровней станут избирать на альтернативной основе, а не назначать в партийных кабинетах. Партии, которые появятся, будут выдвигать своих кандидатов и бороться за их избрание. Но окончательное слово останется за народом. Он и только он вправе решать, кто достоин править страной.

Гость помолчал.

- Александр Трофимович попросил меня разъяснить политику ГКЧП в отношении средств массовой информации. Это не трудно. Вы должны сообщать людям обо всем, что происходит в стране. Объективно, честно и правдиво. Ни о чем не умалчивая.

- Позвольте! - вскочил молодой журналист. - В Москве строят баррикады. Если я это сниму, сюжет поставят в эфир?

- Почему и нет? - пожал плечами Девойно. - Но я не зря упомянул об объективности. Начнем с того, что множественное число в отношении баррикад неуместно. Есть одна. Ее возводят у входа на Старую площадь под руководством бывшего секретаря Московского горкома партии Ельцина. Борис Николаевич, как мы знаем, человек темпераментный.

В зале оживились. Недавнее резкое выступление Ельцина на пленуме ЦК КПСС, последовавшее затем его покаяние и отставка с поста секретаря горкома были еще свежи в памяти.

- Он мобилизовал часть работников аппарата ЦК и некоторых своих сторонников, - продолжил Девойно. - Сейчас они таскают мебель из здания ЦК и перегораживают въезд на Старую площадь, обещая не пропустить проклятых путчистов к самому дорогому, что есть у партии - ее имуществу.

Аудитория засмеялась.

- Никто, впрочем, не собирается им мешать. Пусть таскают. Разумеется, это следует показать по телевидению. Взять интервью у Бориса Николаевича и его сторонников. Но одновременно спросить простых москвичей, что они думают об этом цирке.

В зале вскочило сразу несколько человек.

- Извините, товарищи! - Девойно сложил руки перед собой. - Я понимаю ваш интерес, но не хочу отнимать хлеб у председателя ГКЧП Владимира Ивановича Долгих. В 22 часа, сразу по окончании программы "Время", он даст большое интервью для советских и иностранных журналистов. Прямой эфир. Мне обещали, что технических затруднений не возникнет.

Гость оглянулся на стол. Аксенов кивнул.

- А теперь я с вашего разрешения откланяюсь. Очень много работы.

Девойно соскочил со сцены и направился к выходу. Его проводили аплодисментами.

- Шестидесятыми повеяло, - сказал своему соседу седой журналист, который спрашивал про многопартийность. - Помнишь? Тогда тоже все надеялись на возвращение ленинских принципов.

- Угу! - мотнул головой тот. - Надеялись, надеялись, пока кукурузник не ткнул нас мордой в стол.

- Работалось тогда хорошо, - вздохнул седой. - Легко, свободно. Какие фильмы снимали, какие передачи выходили! Тот же "КВН". Как его народ смотрел! А передачу взяли и запретили. Может, вернут? Как думаешь?

- Вернут, - сказал собеседник, слегка подумав. - Мне этот парень понравился. Это не партийный чиновник, застегнутый на все пуговицы. Если путчисты привлекают таких, как он... Пусть у них получится!

24.

Стоять было зябко. Ноябрь в Москве и без того не теплый, а тут еще дул ветер, и с неба сыпалась снежная крупа. Люди, дежурившие у баррикады, преграждавшей въезд на Старую площадь, ежились, втягивали головы в плечи, пряча в поднятые воротники стынувшие уши, и пританцовывали, пытаясь согреться. Некоторые пытались укрыться за вытащенными на дорогу канцелярскими шкафами. Только напрасно: ледяной ветер доставал и там. Все чаще и чаще то один, то другой защитник срывался с места и бежал в здание ЦК - отогреться. Их не останавливали даже окрики старших. Да и сами старшие периодически уходили в тепло. Разве что не бежали, а шли степенно, демонстрируя стойкость.

А еще было скучно. Нет, начиналось весело. Под энергичные призывы Бориса Николаевича, люди тащили из кабинетов ЦК письменные столы, шкафы, стулья. Летели на пол вытряхнутые из ящиков бумаги, с полок сметались папки. На робкие попытки хозяев возразить Ельцин громогласно возвещал:

- Партия в опасности, а вы про какие-то бумаги! Не пропадут. Лучше помогайте!

Многие откликнулись. Вместе с пришедшими товарищами волокли столы и принимали на руки тяжелые шкафы. Людей обуяло злое и деятельное веселье. Они им покажут! Ишь, чего вздумали: партию распустить! Не пройдут! Но пассаран!

Баррикаду, преграждавшую въезд на площадь, соорудили быстро. Выглядела она, правда, жидко. Не то, что танк, грузовик сметет без труда. Но это был символ сопротивления. Некогда деды и прадеды москвичей

сооружали подобные баррикады на улицах, препятствуя продвижению царских войск. Так они боролись с самодержавием. В той борьбе возмужала партия. Она совершила революцию, выстояла в окружении враждебных буржуазных государств, победила в самой страшной в истории человечества войне. Теперь партию предстояло защитить от внутренних врагов. Об этом говорил Ельцин. Он взгромоздился на стол и обратился к единомышленникам с речью.

- Те, кто издал указ о роспуске партии, совершили государственный переворот, - вещал Борис Николаевич. - Но СССР - это не Латинская Америка, где можно безнаказанно заварить путч. Вдохновленные нашим примером, трудящиеся СССР восстанут и сметут горстку изменников. Западные радиостанции передают обращение Горбачева. Михаил Сергеевич назвал ГКЧП хунтой и призвал советских людей защитить завоевания Октября. После того, как с путчем будет покончено, Михаил Сергеевич вернется в страну. Нет хунте!

Он вскинул кулак.

- Нет хунте! Нет хунте! - стали скандировать собравшиеся.

Все это снимали журналисты, как иностранные, так и советские. После того, как Ельцин слез со стола, его окружили и засыпали вопросами. Щуря свиные глазки, Борис Николаевич отвечал. А затем ухватил за рукав журналиста центрального телевидения.

- Тебя как звать?

- Дмитрий, - ответил журналист.

- Ваши покажут это? - Ельцин обвел рукой площадь.

- Конечно! - кивнул журналист. - Без проблем.

- Видите, товарищи! - повернулся Ельцин к единомышленникам. - Телевидение тоже за нас. Вся страна узнает. Пойдем, Дима, перекусим! - он обнял журналиста за плечи и кивнул остальным: - Вас, товарищи, тоже покормят.

Ельцин не соврал. Спустя какое-то время из здания ЦК вышли официантки с подносами. Бутерброды, горячий чай - все это расхватили вмиг. Жуя вкуснейшую колбасу и запивая ее сладким чаем, люди на площади ощущали гордость. Не испугались, пришли. А хунта... Ей не устоять перед гневом народа.

К полудню журналисты рассосались, и стало скучно. Поначалу среди собравшихся ходили слухи. Кто-то уверял, что к Старой площади подтягиваются войска. Хунта приняла решение расправиться с восставшими. Новость всколыхнула людей. Одно дело таскать столы и выкрикивать лозунги, другое - стоять под прицелом пушек. В том, что

"хунта" пришлет танки, "знатоки" не сомневались. Начавшуюся панику пресек Ельцин. Он велел двум молодым инсургентам разведать обстановку. Те сбегали и принесли известие: никаких танков нет. Как и войск или чего-то подобного. Столица живет обычной жизнью.

- Не поддавайтесь на провокации, товарищи! - подвел итог Ельцин. - Армия не пойдет против народа.

От вождя тянуло спиртным. Уловив запах, люди вздыхали. Сто граммов никому бы не помешали. Только где взять? При Горбачеве водку и вино стали продавать по талонам. Оно, вроде, правильно: зачем спаивать народ? С другой стороны, иногда хочется.

Во второй половине дня к холоду добавился голод. Запас продуктов в здании ЦК кончился. Подвоз новых, как объяснил Ельцин, блокировала "хунта". Добровольцы вызвались сходить в магазин. Из них сформировали команду и снабдили деньгами. Добровольцы ушли и не вернулись.

- Хунта перехватила! - объяснил это Ельцин. - Потерпим, товарищи! Я позвонил верным людям, обещали помочь. Подвезут.

Однако не подвезли. Тоже, наверное, "хунта" помешала. Хотя многие в этом сомневались. Уж больно радостными выглядели добровольцы, собираясь в поход. Слинjali. Их примеру готовились последовать другие. Ельцин, почувствовав это, приказал: за баррикаду - ни шаг! Опасно. "Хунта" не дремлет. Он поручил старшим присматривать за людьми. Теперь все мерзли и скучали. Кое-кто даже мечтал о появлении танков. В этом случае можно слинять - под шумок.

Словно в ответ на эти мысли в отдалении послушался гул моторов. "Танки!" - пронесся по площади слух. Сразу несколько человек метнулись к ЦК. Вскоре из дверей здания показался Ельцин. Нетвердо ступая, он подошел к баррикаде и оперся на стол.

- Больше мужества, товарищи! - обратился к собравшимся. - Они не посмеют. Танкисты не станут давить людей.

Но это были не танки. К баррикаде подтянулась колонна армейских грузовиков. Каждый из них тащил на прицепе полевую кухню. Когда грузовики встали, из кузовов посыпались солдаты. Одни, подгоняемые прапорщиком, отцепили кухни и подкатили их ближе. Другие вытащили из кузовов столы и выставили их параллельно баррикаде. Затем стали носить ящики и коробки. В считанные минуты на столах горками возник нарезанный хлеб, стопки разовых пластмассовых тарелок и таких же стаканчиков. В завершение солдаты подтащили проволочные ящики с бутылками. Те зазывно позвякивали. Закончив, солдаты ушли. У столов и кухонь осталось несколько человек в белых куртках и колпаках. Одни

встали у столов, другие откинули крышки котлов и стали мешать в них черпаками на длинных ручках. Над площадью поплыл аппетитный запах. Многие сглотнули слюну. В этот миг перед баррикадой возник молодой человек в куртке и джинсах.

- Здравствуйте, товарищи! - сказал он и улыбнулся. - Меня зовут Сергей Дейвойно. Я писатель и член Государственного комитета по чрезвычайному положению. Нам стало известно, что здесь мерзнут и голодают наши советские люди. Непорядок. Товарищи поручили мне накормить и согреть вас. Прошу! - он указал на столы.

- Не слушайте его! - вскинулся Ельцин. - Еда наверняка отравлена.

- Вы так думаете? - поднял бровь Дейвойно и обернулся к столам. - Нигматулин, сооруди-ка порцию!

Невысокий солдат у стола схватил тарелку и протянул ее повару. Тот зачерпнул половником в котле и плюхнул в нее горку каши. Нигматулин воткнул в нее пластмассовую ложку, приложил пару кусочков хлеба и поднес писателю.

- И это! - Дейвойно щелкнул себя по горлу.

Солдат сунул ему в руки тарелку и вернулся к столу. Там вытащил из ящика бутылку, сорвал с нее пробку-бескозырку и наполнил легкий стаканчик прозрачной водкой. Поднес Дейвойно. Тот принял, опрокинул жидкость в рот, крикнул и тут же заел теплой кашей.

- Гречневая, с мясом, - сообщил напряженно следящим за ним восставшим. - Вку-у-сная. С утра не ел - все некогда было. Присоединяйтесь, товарищи! Да, совсем забыл! - он хлопнул себя ладонью по лбу. - Среди вас есть женщины. Как интеллигентный человек, я не могу предлагать им водку. В котле одной из кухонь - глинтвейн. Горячий. Лучше средство согреться на морозе. Думаю...

Он не договорил.

- Глинтвейн? Где глинтвейн? - раздался крик. На стол баррикады влезла женщина, спрыгнула на мостовую с другой стороны и подбежала к писателю.

- Там! - указал он рукой.

Женщина метнулась к кухне. Солдат в белой куртке налил ей в стаканчик темной жидкости. Дрожащей от холода рукой женщина поднесла его ко рту. Глотнула, закрыла от удовольствия глаза, затем приложилась вновь...

- Девочки! Настоящий глинтвейн! Я такой за границей пила.

Эти слова будто прорвали плотину. Через столы полезли люди. Другие, сообразив, стали оттаскивать их в сторону. В образовавшиеся проходы

хлынула толпа.

- Осторожно, товарищи, не толкайтесь! - увещевал голодных Девойно.
- Водки и каши хватит всем. Мужчины будьте джентльменами. Женщин - вперед!

Подбежавшие солдаты помогли навести порядок. К столам с едой выстроились очереди. Конвейер заработал. Каждому, подходившему к столу совали в руки тарелку с кашей и стаканчик с водкой. Женщинам наливали глинтвейн. Люди отходили в сторону, пили и набрасывались на еду. Опорожнив посуду, занимали очередь вновь. Этому не препятствовали: водки и каши у представителей ГКЧП хватало.

Откуда-то появились журналисты. Они фотографировали и жужжали кинокамерами. Портативные камкордеры в СССР только начали выпускать, поэтому телевидение для новостных выпусков использовало старые технологии. В этой суете никто не заметил, как к Борису Николаевичу подошли двое. Один без замаха ткнул ему кулаком под дых. Второй подхватил обмякшего главаря. Нежно придерживая его за плечи, двое увели Ельцина в темноту. Вожака хватились спустя время.

- Где Ельцин? - закрутил головой один из старших.

- Ушел, - ответил неприметный на вид мужчина лет тридцати.

- Куда? - изумился старший.

- Не знаю, - сказал неприметный. - Отдыхать, наверное. Сказал: "Я ухожу" - и все.

- Ну, и хрен с ним! - прокомментировал один из инсургентов. По нему было видно, что очередь к столам он занимал не однажды. - Кричал: "Путч! Хунта!" А какая это хунта, если они о людях думают? Горячей еды подвезли, выпивки. И стоять не запрещают. Я этого писателя спрашивал, что дальше? Собираются нас разгонять? Он ответил, что ГКЧП на нас начхать. Можем стоять хоть до посинения. К одному из наших жена пришла. Говорит: весь день "голоса" слушала. Никто, кроме нас, против ГКЧП не выступил. Люди работают, занимаются делами, а мы дурня празднуем. Эх!

Инсургент махнул рукой и отошел. Пока слышавшие эти слова обсуждали новость, столы и кухни перед баррикадой убрали. Грузовики уехали. Вместо них к площади подрулил "Икарус". Открылись дверцы, и из автобуса посыпались мужчины и женщины в военной форме. Двое из них надели на плечи ремни аккордеонов. Вперед вышел стройный майор.

- Уважаемые товарищи! Вас приветствует Академический ансамбль песни и пляски Советской армии имени Александрова. Нам сказали, что вы здесь мерзнете и скучаете. Это неправильно. Так не должно быть в

советской стране. Давайте же веселиться! Музыка!

Он дал знак аккордеонистам. Те растянули меха. Вперед выскочили плясуньи и закрутились на асфальте. К ним подлетели танцоры. Скоро уже вся площадь плясала и пела. Скука и холод отступили. Как и мысли о "хунте"...

- Мы ведем свой репортаж со Старой площади, где сегодня утром, как мы уже сообщали, появилась баррикада, сооруженная людьми, недовольными решением ГКЧП о роспуске КПСС. Протестующих набралось с пару сотен. Они простояли здесь световой день. Замерзли и оголодали. И тогда им по распоряжению ГКЧП привезли горячую пищу и согревающие напитки.

Журналиста с микрофоном на экране сменили кадры раздачи еды. Голос продолжил за кадром:

- Ведь это наши советские люди. Пусть они не согласны с решением Президиума Верховного Совета, это, однако, не означает, что их нужно бросить на произвол судьбы. Чтобы протестующие не скучали, на площадь приехали артисты Академического ансамбля песни и пляски имени Александрова.

На экране вновь возник журналист с микрофоном.

- За моей спиной вы видите танцующих людей. Как видите, никто не собирается прогонять их со Старой площади, как это сообщили западные информационные агентства. Здесь нет военных и милиции. Люди веселятся...

В этот миг к журналисту подлетела женщина. Чмокнув его в щеку, она засмеялась и скользнула в сторону.

- Вот так... - журналист растерянно потер щеку. - Тут говорят: "Путч! Путч!" Но вы сами все видите. Если это и путч, то он какой-то неправильный...

Сюжет кончился, Владимир Иванович посмотрел на меня.

- Не постановка, - ответил я на его вопросительный взгляд. - Дама сама выскочила. Они же там все выпившие. В Останкино хотели этот вырезать эпизод, но я настоял.

- Правильно! - сказал Концевой. - Получилось искренне. Неправильный путч, - он усмехнулся. - Вот и название для истории. Ты это хорошо придумал с выпивкой и едой, Сергей! И с ансамблем. Где, кстати, одноразовую посуду брали?

- В "Аэрофлоте".

- Поблагодари всех, кто помогал! - сказал Долгих. - От моего имени. Ансамбль - особенно. Что там сейчас?

- Разошлись, - сказал Концевой. - Чего зря стоять? Им подсказали, люди восприняли. Сейчас солдаты затаскивают мебель обратно, мои люди закрывают и опечатывают кабинеты. Ельцин - во внутренней тюрьме. Как с ним быть? Сажать нельзя - визгу не оберемся, выпустить - боязно. Опять что-нибудь завернет. Не человек, а ядерная бомба. Огромной разрушительной силы.

- Отправьте его послом, - подсказал я. - В Буркина Фасо.

- Почему именно в Буркина? - удивился Владимир Иванович.

- Далеко от СССР. Взрывная волна не добежит.

Концевой засмеялся и погрозил мне пальцем.

- А если серьезно, пусть там спивается потихоньку.

- Злой ты человек, Сергей! - покачал головой Концевой.

- Наоборот, добрый. Не видели вы, как он, будучи президентом России, дирижировал оркестром в Германии. Пьяный, естественно. Вся страна от стыда сторала. Его повесить мало, а мы цацкаемся.

- Ладно, - хлопнул ладонью по столу Владимир Иванович. - Подумаем. Люди собрались? - он посмотрел на меня.

Я кивнул.

- Идем!

Мы вышли из кабинета, двинулись коридором и остановились перед дверью, ведущей в зал заседаний Верховного Совета.

- Народу много? - спросил меня Долгих.

- Журналистов - с сотню. Дипломатов раз в пять больше. Одних американцев человек десять прибыло во главе с послом.

Долгих поморщился.

- Иди! - сказал Концевой. - Объявляй. Я за кулисами постою.

Я вышел на сцену и пробрался к микрофону, установленному ровно посередине стола президиума. Остановился и окинул взглядом зал. Легкий шумок, царивший в зале стих. Я физически ощутил на себе взгляды сотен глаз. Хотя, каких сотен! Сейчас на меня смотрят миллионы. Центральное телевидение ведет прямую трансляцию. Сигнал передают за границу. Можно сказать, весь мир притянут к телевизионным экранам. В западных столицах гадают: что случилось в этом таинственном СССР? Очередной переворот в высших эшелонах власти или нечто, кардинально меняющее расклад сил в мире? Гадайте!

- Уважаемые товарищи! Леди энд джентльмены! Я - Сергей Девойно,

член Государственного комитета по чрезвычайному положению, буду вести эту пресс-конференцию. Приглашаю в зал первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР Владимира Ивановича Долгих!

Владимир Иванович вышел на сцену и направился к столу. Первыми вскочили с мест журналисты, следом стали вставать дипломаты. Причем, американцы делали это с явной неохотой. Ничего, скоро запрыгаете! Владимир Иванович сел и сделал знак аудитории. Все опустили в кресла.

- Слово, товарищу Долгих!

Пока Владимир Иванович читал текст, я не сводил взгляда с сидевших в первом ряду американцев. Выражение их лиц менялось - с презрительно-настороженного до недоверчиво-удивленного. Ну, так слова, которые сейчас произносил Долгих, западали им в душу. "Возвращение к подлинному народовластию, то есть демократии... Выборы в Советы всех уровней исключительно на альтернативной основе... Многопартийность. Отмена уголовного наказания за частное предпринимательство, антисоветскую пропаганду и агитацию, тунеядство... Свобода печати и упразднение Главлита... Расширение прав собственников коллективных предприятий, возрождение производственных кооперативов и разрешение на занятие частной деятельностью... Разоружение..."

Удивляйтесь! Мы это сделаем, господа! А вы нам заплатите. За каждый выведенный из Восточной Европы танк, взвод, батальон, дивизию. За объединение Германии и освобождение социалистических стран от идеологической и военной опеки. Вы еще не знаете, во что это вам выльется. А вот я знаю. В той жизни читал воспоминания ваших престарелых политиков. Они хвастались, как развалили СССР, и называли суммы, которые были готовы за это заплатить. Я запомнил. Так что заплатите до последнего цента. И еще будете радоваться, что выиграли холодную войну. Празднуйте! В том времени тоже так было. Пыжились, надували щеки. Пока Россия не вспомнила, что она ядерная держава, и у нее есть собственные геополитические интересы. Мы будем с вами дружить, просто душить в объятиях. Нам требуются кредиты и субсидии. Нужно накормить людей и модернизировать промышленность. А дальше... В экономике, как и в политике, важно знать, по какому пути идти. Что выбрать, и на чем сосредоточить усилия. Мир движется к этому пониманию долго, ощупью. А вот мы уже знаем...

Горбачева можно списывать в утиль. Запад его поддержал, надеясь ослабить СССР. Однако ГКЧП предложил больше. Широкомасштабные реформы в экономике и политике, и это волшебное слово - "демократия".

Генсека выбросят на свалку истории. Ничего личного, только бизнес...

Окончание пресс-конференции аудитория встретила аплодисментами. Стоя. Причем, азартнее всех аплодировали не журналисты, а дипломаты. Не все, конечно. Были и кислые лица. Главным образом, смуглые и "загорелые". Звиняйте, хлопцы, но сало кончилось. Режьте друг друга за свой счет.

Довольные, мы с Владимиром Ивановичем вышли в коридор и наткнулись на хмурых Концевого с Варенниковым.

- Что? - насторожился Долгих.

- Мятеж. Военно-политическая академия имени Ленина, - сказал Концевой.

- Не здесь! - сказал Владимир Иванович...

- Моя вина! - доложил Варенников в кабинете Долгих. - Занимался войсками и упустил училища. Казались не опасными. Ошибся. Двое сволочей из ГлавПУРа, прикинувшись овечками, организовали мятеж. Сейчас они под замком, но напакостить успели. В училище завезли оружие. В основном стрелковое, но есть гранатометы, в том числе автоматические. Боеприпасов - море. Мы это прохлопали. Командир той части арестован, его ждет трибунал. В училище, по нашим данным, не менее роты вооруженных курсантов. С десятков офицеров. Среди них есть прошедшие Афганистан. Оборона организована грамотно. В окнах - пулеметы и гранатометы. На переговоры мятежники не идут. Требуют распустить ГКЧП и вернуть власть партии. Поначалу мы не восприняли это всерьез. Думали, объясним людям, что они заблуждаются, и те сложат оружие. Говорили по телефону, в здание нашего представителя они впустить отказались. Не вышло. В конце концов, я им сам позвонил. Послал. Меня, министра обороны!

Вареников раздул ноздри.

- Ваши предложения? - спросил Долгих.

- Силовое подавление мятежа.

- Каким способом?

- В лоб штурмовать нельзя - кровью умоемся. Здание училища как оборонительный объект ничего из себя не представляет, но оружия там много. Если пойдем в лоб, потери будут большими. Поэтому подгоним танки и расстреляем издалека. В Кантемировской дивизии подготовлен сводный отряд, ждут только приказа.

- По-другому нельзя? - сморщился Владимир Иванович.

- Я вызвал "Альфу", - сказал Концевой. - Они заняли позиции вокруг училища. Но...

- Что?

- Офицеры не хотят идти в бой. Это ведь не дворец Амина. В училище наши люди. Ладно бы офицеры - те знали, на что шли, но рота пацанов... За что их убивать?

Долгих забарабанил пальцами по столу.

- Не надо крови! - сказал я.

Все трое уставились на меня.

- Нужно отправить парламентаря. Дать ему документ, гарантирующий амнистию всем, кто сложит оружие.

- Они изменили присяге! - нахмурился Варенников.

- Их обманули. Наверняка те из ГлавПУРа наплели им про путч и пообещали поддержку других частей. Они не знают, что остались одни. Или не хотят этому верить. Надо убедить. Послать человека, умеющего говорить. Оптимально - члена ГКЧП.

- Это кого? - вздохнул Концевой.

- Я пойду.

Три взгляда прожгли меня.

- Думаете, не справлюсь?

- Хм! - сказал Концевой. - Это мысль. Убеждать ты умеешь. Только там не дураки засели. Увидят, что перетягиваешь на свою сторону, возьмут и пристрелят.

- Танки и только танки! - бросил Вареников.

- погоди, Владимир Валентинович! - Долгих посмотрел на меня. - Ты, вправду, хочешь этого, Сергей?

Я кивнул. Хочу. Нет, не так. Должен. В моем времени мятежа военных в путч не было. Как и баррикады у ЦК. Мое вмешательство изменило ход событий, и не совсем в лучшую сторону. Раньше времени погиб Машеров. Теперь под каток угодили курсанты. Молодые, полные надежд и устремлений. Можно, конечно, утешить себя мыслью, что я кого-то спасал. Жертв маньяков, чернобыльцев... Подбить баланс и успокоиться. Но люди - не цифры в таблице. Каждый из них несет в себе мир - яркий и неповторимый. А мы по нему - из пушек...

- Согласен! - сказал Долгих. - Сделай это, Сергей! Только будь острожен. На рожон не лезь. Увидишь, что не соглашаются, уходи. Я не хочу выказать твоей семье соболезнования.

- Не придется, - сказал я. - Парламентарей даже фашисты не

расстреливали...

Белый флаг у меня забрали у входа. Встретивший меня капитан, сунул его курсанту в бронежилете и каске. Мы вошли в холл училища. М-да... Баррикада из столов и шкафов. Массивная и правильно выложенная. Сходу не преодолешь. В импровизированных бойницах торчат головы в касках. Стволов не видно, но направить их на врага - дело секунд. Если штурмующие ворвутся с главного входа - умоются кровью. Затем - курсанты. Это даже мне ясно.

- Туда! - показал капитан.

Узким, ломаным проходом мы миновали баррикаду и поднялись по лестнице. Меня завели в широкую дверь и оставили в приемной под наблюдением. Дежуривший в приемной курсант держал автомат наизготовку. Предохранитель снят. Хорошо, что палец не на спусковом крючке.

Капитан скользнул в кабинет и через минуту выглянул.

- Заходите!

Я последовал приглашению. В кабинете было накурено. За большим столом сидели восемь офицеров. Я присмотрелся. Два полковника, три подполковника, майор и два капитана. В числе последних - мой проводник. Генералов не видно. Значит, руководство училища не при делах. Или струсил или проявило осторожность. Это хорошо. С генералами трудно. Они уверены, что знают истину в последней инстанции, и любят ее изрекать.

- Здравия желаю, товарищи! - поздоровался я.

- И тебе не хворать! - отозвался полковник со шрамом на щеке. Остальные промолчали. Значит, меченый у них главный. - Проходи, присаживайся, - он указал на свободный стул.

Я не заставил себя упрашивать. Некоторое время мы разглядывали друг друга. Я видел себя их глазами. Штатский, одет легкомысленно - в джинсы и пуловер. Сверху - куртка, сейчас расстегнутая. Это меня проверяли насчет оружия. Выгляжу несолидно. Это кого ГКЧП им прислал? Не уважает, что ли?

Я, в свою очередь, составлял мнение о присутствующих. Семеро выглядели вполне нормально. Офицеры, как офицеры. Лица насторожены, и в них проглядывает неуверенность. Нормально, сработаемся. А вот один из полковников мне не понравился. Глаза блестят - явно пьяный. Лицо

кривит презрительная гримаса. Слишком молод для такого звания - лет тридцати. Щегольски подогнанный мундир, звезды на погонах не обычная фурнитура, как у остальных, а шитье. Один мой знакомый в той жизни говорил: "Если полковник вышивает на погонах звезды, он очень хочет стать генералом"... У этого уже не выйдет.

- Ты кто? - нарушил молчание меченый.

- Сергей Александрович Девойно. Писатель и член ГКЧП.

- Девойно?! - воскликнул один из подполковников. - Я вспомнил вас. Несколько лет назад у нас была читательская конференция, и вы приезжали к нам в гости. Курсантам очень понравилось. Долго обсуждали потом. Хорошие у вас книги.

- Рад слышать.

- Ладно, писатель! - хмыкнул меченый. - Ты сюда не на встречу с читателями пришел. Наверное, предложить что-то хочешь. Что нужно путчистам?

- Путч - это у вас.

- С-сука! - полковник с вышитыми звездами выхватил пистолет. ПСМ. Генеральская игрушка, калибром 5,45. Плоский и легкий. Но если выстрелить в упор...

- Угомонись! - рявкнул на него меченый.

Несостоявшийся генерал ругнулся, но пистолет спрятал.

- Путчисты - те, против кого народ, - сказал меченый.

- А вы, значит, считаете, что он за вас?

- Конечно! - взвился обладатель ПСМ. - Воинские части по всей стране отказываются подчиняться ГКЧП. Люди выходят улицы. Скоро народ сметет этот путч...

Я засмеялся. Несостоявшийся генерал от неожиданности умолк и свирепо уставился на меня.

- Вы не слушаете радио и не смотрите телевизор?

- Нечего там смотреть! - буркнул обладатель ПСМ. - Одна пропаганда.

- В училище не было электричества, - вздохнул меченый. - С двух часов. Включили только перед твоим приходом. Так что не слушали и не смотрели.

А вот это уже косяк. Наш.

- Тогда - последние новости. На всю страну случилось только два очага сопротивления ГКЧП. Первый - на Старой площади. Порядка двухсот человек под руководством Ельцина вытащили из здания ЦК мебель и устроили баррикаду. Простояли у нее день. Оголодали и намерзлись. По распоряжению ГКЧП им подвезли горячую еду и согревающие напитки.

Ансамбль имени Александрова развлекал их танцами. Люди поели, потанцевали и разошлись по домам. Мебель уже оттащили обратно. Второй очаг это вы. Здесь дело серьезнее, поскольку появилось оружие. Поэтому отношение соответствующее. Два генерала из ГлавПУРа, заварившие этот мятеж, арестованы и сидят в тюрьме.

Полковник с вышитыми звездами дернулся. Все ясно: их порученец.

- Арестован и командир части, снабдивший вас оружием и боеприпасами. Он, как и генералы, предстанет перед трибуналом. Вокруг училища сосредоточены специальные части. Вам что-нибудь говорит название "Управление "А"?"

Меченый спал с лица. Знает. Добавим.

- Но даже их не хотят бросать в бой. Зачем терять преданных офицеров? Есть предложение подогнать танки и раскатать вас из пушек. И хрен бы с вами, если ума нет. Но здесь курсанты. Пацаны. Вот их жалко. Поэтому ГКЧП предлагает сложить оружие и разойтись. В этом случае трибунала не будет. Происшедшее сочтут недоразумением. Вот!

Я вытащил из кармана сложенный лист и протянул его полковнику. Тот развернул его, пробежал глазами и протянул соседу. Лист пошел по рукам.

- Этому можно верить? - спросил меченый.

- Там подпись первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета и гербовая печать. Вам мало?

- Достаточно! - согласился полковник. - Ладно, предположим согласны. А что дальше? Мы ведь политруки, а вы партию распустили. Снимай погоны - и на стройки народного хозяйства? В том числе и пацанам?

- Это он вам сказал? - я ткнул пальцем в несостоявшегося генерала. Тот насупил и раздул ноздри. - В ГлавПУРе напели? Чем вы занимались в армии, товарищ полковник? Ну, кроме разъяснения решений КПСС?

- Воспитывал личный состав.

- Вот! - я поднял вверх палец. - Так что были заместителями по политической части, станете по воспитательной. И все дела.

Меченый посмотрел на офицеров. Те закивали головами. Один вышитый подполковник словно столб проглотил.

- Что застыл, гнида?! - вдруг рывкнул меченый. - Это ведь ты прибежал с посланием из ГлавПУРа. Наплел, что все восстали против ГКЧП. Что скоро придут войска и подавят путч. От нас требуется только поддержать. За что всех повысят в звании и наградят. Вон они, награды! - полковник ткнул пальцем в окно. - Калибром в 120 миллиметров. А к ним "Управление "А" впридачу. Ты видел, как они работают? Я был во дворце

Амина после штурма. Охрану будто косой выкосили - никто не уцелел. Самого Амина грохнули в баре. Кровищи там было - не пройти. Блядь! Сука паркетная!

- А-а-а! - внезапно завопил порученец и выхватил ПСМ. На меня глянул черный зрачок ствола. Краем глаза я увидел, как, пытаясь помешать, вскочили меченый и другие офицеры. В следующий миг в грудь будто палкой ударили. С размаху и изо всей силы.

Больно... Темнота...

Эпилог

- Нюхай!

Маринка протягивает мне одуванчик. Тычу носом в желтый пух, поднимаю голову и изображаю неземное удовольствие. Маринка смеется. Дедушка забавный. И нос у него сейчас в желтой пыльце. Маринка кладет одуванчик на лавочку и убегает рвать остальные. Потом примется плести венок. Она это любит. Из-за этого я не трогаю одуванчики на газоне, хотя Лиля ругается, что развел сорняки.

Май 2017 года выдался теплым. Греет солнце, в кронах деревьев орут птицы. Или поют? Неважно. Благодать.

Я выжил. Меченый сообразил. Если готовится штурм, то за порядками осаждающих обязательно дежурят "скорые помощи". Меня бегом вынесли наружу, и подскочившая карета отвезла меня в Склиф. Позже врач сказал: опоздай она хотя бы чуть-чуть... В Склиф доставили и вышитого полковника. Его отделали сами мятежники. Били с душой, едва отобрали. Других жертв не было. Путчисты сложили оружие и разошлись. Их не судили - Долгих сдержал слово.

Что еще? СССР нет. Спасти его не представлялось возможным. Центробежные устремления в стране набирали силу, остановить их можно было лишь кровью, этого не захотели. История повторилась, но в другом варианте. Не было резни на национальных окраинах, штурма телевидения в Вильнюсе, чеченских войн - как первой, так и второй. Развод произошел мирно - по чехословацкому образцу из моего времени. Так что теперь у нас СНГ. Но не Содружество, а Союз Независимых Государств. Пять президентских и две парламентские республики. Общий рынок, валюта, единая внешняя и оборонная политика, свободное передвижение людей, капиталов и товаров. Вторая экономика мира. Первая, естественно, США. Догнать их вряд ли получится. Для этого нужно работать, как американцы.

Остальные республики СССР ушли. Их не удерживали. Баба с возу -

коню легче. Пусть теперь их Евросоюз и арабские шейхи кормят. Выходит не сытно. К нам едут. Работают дворниками, водителями троллейбусов, няньками, подсобными рабочими... Наши на такие вакансии не зарятся. Лодыри. Ладно, это я ворчу.

Американцы на нас дуются - дескать, обманули. Они-то надеялись, что мы ляжем под них. Счас! Но мы дружим. Через губу, но оружием не бряцаем. Воевать с нами боятся. Армия СНГ - лучшая в мире, это все признают. Кроме США. Хотя в тиши кабинетов и они - тоже. И оружие в СНГ передовое. В этом времени не гробили военно-промышленный комплекс, не растаскивали предприятия по частям. Советские наработки сохранили и приумножили. Наше оружие нарасхват, продаем не меньше американцев. Прибыльное дело.

В мире два центра силы. Из-за этого меньше войн. Не было "Бури в пустыне", "Арабской весны" и прочего. Саддам Хуссейн умер в постели, а не на виселице, ИГИЛ не появилась, Аль-Каиду придушили. Так что башни Всемирного центра в Нью-Йорке стоят. НАТО сидит тихо и от границ СНГ держится в отдалении. Можно, ведь, и огрести.

Страны бывшего социалистического лагеря с нами дружат. Не дураки. Упускать такой рынок! Так что едут с визитами, подписывают договора. Русский язык в школах учат. Не из любви к нам, а сугубо из прагматических соображений. Образование у нас дешевле, да и работу найти проще. Зарботки в СНГ не уступают европейским.

У нас рыночная экономика, поэтому есть богатые и бедные. А вот олигархи не проросли - питательной среды не было. Госсобственность не раздавали, масштабной приватизации не проводили. Состояния зарабатывались трудом, поэтому миллиардеров в СНГ мало. И держатся они скромно. Яхты-линкоры не покупают, собак на международные выставки в личных самолетах не возят. Пусть только попробуют! Общественное мнение затопчет вмиг. Здесь перед богачами не стелются.

Теперь о себе. После "неправильного путча" я некоторое время жил в Москве. С роспуском КПСС в идеологии образовался вакуум, его следовало заполнить. Да и другие консультации требовались. Этим и занимался. Литературу забросил, а вот Лиля - нет. Восемнадцатого "Курта" заканчивает. Многие уже не помнят, что серию начинал другой автор. "Курт" по-прежнему популярен, чем Лиля гордится. Критики пишут: "Вышла из тени мужа". Как будто я ее там прятал.

Когда ситуация успокоилась, я вернулся в Минск. Еще при СССР мы купили в Тарасово дом. Тот был ветхим, зато участок большим. Дом снесли, на его месте построили коттедж. В нем и живем. Пятикомнатную

квартиру отдали Артему - у него двое мальчиков. Старшенький у меня врач, хирург. Кандидат медицинских наук, между прочим. Ядя - программист. Способности к математике у нее прорезались в школе. Поступила в университет, там же нашла мужа. Парни за ней цугом бегали, но дочка сделала правильный выбор - мамина кровь. Красотой Игорь не блещет, зато голова! У него софтверная компания - лучшая в СНГ. Их разработки даже американцы покупают. Ядя с семьей живет на соседней улице, Маринка - их дочь. Утром приводят, вечером забирают. Им удобно, а нам в радость.

А вот младшенький у меня как в сказке. В смысле балбес. Хоккеист. Наверняка слышали. Стас Девойно, чемпион мира и Олимпийский игр. Обормот. Успел жениться и развестись. И ведь предупреждали насчет девиц, которые вокруг спортсменов вьются! Не послушал. Теперь дуется на родителей - они оказались правы. Или стыдится. Полгода носу не кажет. На днях в интернете проскользнула информация: Стаса видели с неизвестной девушкой. Красивой. Но это журналистам она неизвестная, мы с Лилей ее хорошо знаем. Надеюсь, у Даши получится. Нам она нравится.

Пять лет назад не стало отца. Ушел тихо, во сне. Маша после его смерти в религию ударилась, из церкви не вылезает. Еще помогает сестре растить внушек. Любовь - журналист, работает у меня в холдинге. Не потому, что сестра, а потому, что репортер классный. Перо у нее крепкое, мужское. Блатных я и в том времени на работу не брал. Ну, это я забежал вперед.

После путча я не написал ни одной книги - как ножом отрезало. Чтобы не скучать, открыл газету. Деньги были. В немецком банке за мной числились миллионы марок. К ним добавились рубли. После ГКЧП на книжный рынок СССР хлынула иностранная литература. Наш "Курт" попал в тренд - таких книг советский читатель не знал. Миллионные тиражи, такие же гонорары... Мы с Лилей вмиг стали состоятельными людьми. Я не скупился. Открыл корреспондентские пункты в столицах государств СНГ, затем - за рубежом. Дело пошло. Я знал, какая газета будет востребована, как ее делать и кого пригласить. Спустя год у нас было полмиллиона подписчиков, через три - пять миллионов. После этого тиражи поползли вниз - пришел интернет. Я к этому готовился, поэтому старт взял вовремя. Новостной сайт с неприязнительным названием "Портал" скоро стал популярным. Новости, аналитика, светская жизнь, торговая площадка, форумы, социальная сеть... Через пять лет на нас работало две тысячи человек. Рентабельность бизнеса составляла сотни процентов. Основной доход давала торговая площадка, где продавали от спичек до БелАЗов. Да и новости приносили деньги. Реклама на "Портале" была эффективнее, чем

на телевидении. Ко мне зачастили с предложениями продать бизнес или, хотя бы, взять в долю. Американцы, англичане, китайцы... Я посылал их лесом. Из-за этого цена только росла. Скоро она стала исчисляться миллиардами. Заволновались в руководстве СНГ. "Портал" стал ведущим СМИ на постсоветском пространстве. Остальные ели из наших рук. В смысле делали свои сюжеты и писали статьи, отталкиваясь от нашей информации. Пресс-секретари глав государств по утрам клали на стол боссам обзоры сообщений "Портала". Влияние его на умы стало огромным. Меня пригласили в Высший Совет СНГ.

- Мы не можем допустить, чтобы такое СМИ перешло в руки иностранного владельца, - сообщил мне председатель Совета Долгих. - Поэтому предлагаем продать его государству.

- Десять миллиардов рублей или пять в пересчете на доллары, - озвучил Назарбаев. - Равными долями в течение десяти лет.

- Американцы дают тринадцать, - хмыкнул я. - И сразу.

- Мы рассчитываем, что вы патриот, - с металлом в голосе сказал Путин.

- Тогда забирайте даром, - сказал я.

- То есть? - удивился Долгих.

- Я сам собирался передать его государству - только позже. Но если нужно сейчас...

- Почему вы отказываетесь от денег? - спросил Назарбаев.

- Мне они не нужны, а моим детям вредны.

Главы государств переглянулись.

- Но у меня будут условия.

- Какие? - насторожился Путин.

- Сделка не разглашается, по крайней мере, пока. Пусть все продолжают думать, что ресурс частный.

- Зачем? - поинтересовался Назарбаев.

- Так мы сохраним влияние на умы зарубежных пользователей. Частным СМИ они доверяют больше.

- Разумно, - согласился Путин. - Согласен.

Остальные кивнули.

- Второе. Я остаюсь пожизненным руководителем "Портала". Если решу уйти, то выберу преемника. И его утвердят. Не хочу, чтобы пришлый варяг развалил компанию.

- Насчет варяга вы зря, - сказал Долгих. - Сами хотели просить вас остаться.

- И последнее. Прибыль от "Портала" направляется на социальные

нужды. Строительство клиник, школ, детских садов, оснащение их необходимых оборудованием. Определять, какие объекты финансировать, будем мы.

- Не доверяете Совету? - сощурился Путин.

- Отнюдь, - возразил я. - Но мне будет приятно, если деньги "Портала", пойдут на конкретные дела, а не растворятся в бюджете. Моим сотрудникам это прибавит мотивации.

- Думаю, можно принять, - сказал Владимир Иванович. - Но с одним условием. Финансирование будет распределяться равными долями среди государств СНГ. Любое из них в случае нехватки средств, скажем, для возведения особо значимого объекта, может попросить партнера уступить его долю с возвратом таковой на будущий год.

- Или добавить средств из своего бюджета, - заметил Лукашенко и подмигнул мне.

- Согласен, - сказал я.

На том и порешили.

В 2012 году Союз отметил 25 лет "Неправильного путча". Торжеств по этому поводу не было - ГКЧП стал катализатором распада СССР. Высший Совет СНГ ограничился заявлением, в котором констатировал неизбежность перемен и своевременность принятых мер. Коммунисты провели демонстрации протеста. Они и в этом времени - вечно вчерашние. А вот телевидение и печать событие отметили. Для журналистов ГКЧП открыл дорогу к свободе. Первый канал союзного телевидения организовал ток-шоу в прямом эфире. Пригласили меня. Я прилетел. Меня провели в кабинет для гостей, где я увидел Концевого. Постаревшего и поседевшего, но по-прежнему стройного и подтянутого. Мы обнялись.

- Давно не видел тебя, Сережа! - сказал Константин Константинович, отступив. - Или ты теперь Сергей Александрович и никак иначе?

В глазах его прыгали веселые огоньки.

- Для вас, конечно, Сергей, - сказал я. - Другим тоже можно, но предпочитают по отчеству.

- Так ты же большой человек, - кивнул Концевой. - Медиумагнат, в Высший Совет СНГ вхожий. Нашими и иностранными президентами рукопожатый.

- Хватит издеваться! - буркнул я.

Он захохотал.

- Присаживайся, Сергей! Там интересно.

Я последовал приглашению. Передача уже шла. Юркий и ловкий на язык ведущий расспрашивал какого-то лысого, обрызганного типа. Тот

поносил ГКЧП. Уверял, что если бы не "путч", СССР удалось бы сохранить. КПСС никогда бы не позволила развалить страну. Что путчисты совершили переворот сугубо из меркантильных целей - рвались к богатству. В доказательство привел мою фамилию. Члена ГКЧП, ставшего миллиардером.

- Кто это? - спросил я.

- Ярослав Олегович Жинко, секретарь ЦК компартии России, - сказал Концевой. - Не узнаешь?

Я покрутил головой.

- Это он стрелял в тебя в училище.

- Здорово изменился.

- Внешне. А внутри та же гниль.

- Лично меня за попытку выступить против путча жестоко избили, - вещал Жинко. - Месяц пролежал в больнице. Затем судили. Приговорили к семи годам. Кроме того, меня, боевого офицера, воевавшего в Афганистане, лишили воинского звания и заслуженных кровью наград.

- И все это за попытку протестовать? - уточнил ведущий.

- Именно! - подтвердил Жинко.

- Ваша позиция понятна, - сказал ведущий. - Но мы собрались здесь, чтобы услышать разные точки зрения. Я приглашаю в студию бывших членов ГКЧП - генерала армии в отставке Константина Константиновича Концевого и руководителя медиахолдинга "Портал" Сергея Александровича Девойно. Прошу!

Стоявшая позади камер и невидимая телезрителям женщина подняла транспарант "Аплодисменты". Зрители захлопали. Мы с Концевым встали и вошли в студию.

- Присаживайтесь! - ведущий указал нам на места за столом. - Вы, Константин Константинович, и вы, Сергей Александрович, слышали, что сказал наш гость? - он указал на Жинко.

Мы кивнули.

- Меня это удивило, - сказал ведущий. - До сих пор считалось, что переворот 1987 года прошел мирно. Не было крови и пострадавших. А вот наш гость утверждает обратное. Он прав?

- Отчасти, - сказал Концевой. - Но в целом врет.

- Я попрошу! - вскинулся Жинко.

- О чем ты можешь просить? - усмехнулся Концевой. - Боевой офицер... Собираясь сюда, я поинтересовался, кого пригласили в студию. Привык, знаете ли, знать, с кем буду иметь дело. Навел справки. Вот! - он достал из кармана и протянул ведущему сложенный листок. - Выписка из

личного дела этого типа. Взгляните. Не был он в Афганистане. Дальше Ташкента не залетал. Служил в ГлавПУРе под крылом у своего папеньки-генерала. Типичный паркетный шаркун. Будешь возражать? - он посмотрел на Жинко.

Тот опустил голову и пробормотал что-то невнятное.

- Теперь о том, кто и за что его бил. После объявления режима чрезвычайного положения в Москве случился вооруженный мятеж. Об этом не сообщали, поэтому многие не знают. Как все произошло? Два генерала из ГлавПУРа, один из которых - папенька этого типа, решили поднять армию против ГКЧП. В воинских частях их слушать не стали. Тогда они отправили этого, - Концевой указал на Жинко, - в военно-политическое училище имени Ленина. Ему удалось обмануть офицеров. Он убедил их, что по всей стране воинские части отказываются подчиняться ГКЧП. Нужно только поддержать. В училище завезли оружие...

Концевой помолчал.

- Нам не составляло труда подавить этот бунт. Достаточно было подогнать танки и раскатать здание из пушек. Такое предложение было. Но в училище, кроме офицеров-мятежников, находились курсанты. Полторы сотни пацанов. Тогда Сергей Александрович Девойно вызвался стать парламентаром. Взял белый флаг и пошел к училищу. В вас когда-нибудь целились из боевого оружия? - он глянул на ведущего.

Тот покрутил головой.

- Мне довелось испытать в Афганистане. Очень неприятное, скажу вам, ощущение. Будто в глаза смерти заглядываешь. На Сергея смотрели десятки стволов. Но он даже не замедлил шаг. Прошел в училище, поговорил с офицерами. Убедил их сложить оружие. И тогда вот этот, - Концевой указал на Жинко, - выстрелил в Сергея из пистолета. В безоружного, в упор, - генерал сделал паузу. - Чтоб вы представляли: даже фашисты не расстреливали парламентаров. А вот у воспитанника КПСС рука не дрогнула. Сергея спасли чудом - пуля прошла рядом с сердцем. Так что кровь при перевороте была. Только пролил ее не ГКЧП. А вот этого, - Концевой указал на Жинко, - отметили обманутые им офицеры. Еле живым из их рук вырвали. Возможно, зря. И судили его не за протест против ГКЧП, а за покушение на убийство. Дали семь лет. По моему разумению, мало. Следовало пятнадцать. Да из тех семи он отсидел едва половину - вышел по амнистии. Я ничего не забыл?

Концевой посмотрел на Жинко. Тот вдруг вскочил и выбежал из студии.

- На воре и шапка горит, - прокомментировал это генерал. - Теперь о

целях переворота. Мы хотели спасти СССР. К сожалению, не получилось. Народы устали от волюнтаризма КПСС и не хотели подчиняться центру. Пришлось пойти на развод. Похожее случается между супругами. Устанут друг от друга и разведутся. А спустя время осознают: вместе им лучше. Так произошло и с бывшими советскими республиками. И что? Кто от этого потерял? Уровень жизни в СНГ не уступает европейскому, социальные гарантии - как в Германии и Швеции. У граждан две проблемы: как похудеть и где припарковать автомобиль.

Женщина за камерами подняла транспарант. Студия зааплодировала.

- Теперь о миллиардере Девойно, - продолжил генерал. - Смешно слышать, что Сергей Александрович поддержал ГКЧП с целью стать богатым. К тому времени он уже был миллионером, причем, долларовым. Его книги издавались за рубежом огромными тиражами. Сергей мог уехать за границу и переждать там тяжелые времена. Но он не только остался в стране, но и активно содействовал перевороту. Едва не погиб. Затем помогал проведению реформ. Мог сделать отличную карьеру. Ему предлагали пост министра, но он отказался. Так ведь?

Концевой посмотрел на меня. Я кивнул - было. В Беларуси даже звали вице-премьером - с перспективой стать первым. Еле отбился.

- Свой медиахолдинг он создавал сам, без чьей-либо помощи. Не брал кредитов, не просил содействия. Просто работал. В результате возник бизнес, на который стали облизываться за рубежом. Американцы предлагали за "Портал" тринадцать миллиардов долларов. А Сергей Александрович передал его государству безвозмездно. Вот такой "путчист".

Студия вновь захлопала. В этот раз без указания ассистента.

- Вы просто поражаете нас откровениями, - покачал головой ведущий.
- Готовясь к передаче, мы изучили материалы, в том числе биографии приглашенных лиц. Ничего из того, что вы нам поведали, в них нет. Я имею в виду Девойно.

- Сергей Александрович очень скромный человек, - усмехнулся Концевой. - Вы, вот, знаете, что он Герой Советского Союза?

- Что? - поразился ведущий.

- Награжден Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1988 года. Номер 12777 в списке Героев. К слову, Сергей Александрович стал последним, удостоенным этого звания. Я мог бы многое рассказать о моем друге. К сожалению, не могу. Сведения секретные. Сомневаюсь, что их когда-либо обнародуют. Замечу лишь, что тысячи, если не миллионы людей на нашей планете обязаны Девойно не только благополучием, но и самой жизнью. Поэтому я сделаю так, -

Концевой встал. - Мне семьдесят восемь лет, Сергею - на двадцать меньше. Я генерал армии, а он - сержант запаса. Тем не менее, я кланяюсь ему в ноги, - он согнулся в поклоне. - Спасибо тебе, Сергей! От всех нас.

Студия вскочила и бешено зааплодировала. Сама. Я встал и обнял генерала.

- Зачем? - шепнул ему на ухо.

- Пусть знают, - таким же шепотом ответил он. - Мне не долго осталось. Уйду - забудут. Надо, чтоб помнили. Чтобы ни одна гнида более не вякнула по твоему адресу. Борьба не окончена, Сергей. И мы с тобой по-прежнему на передовой...

Тем же вечером, открыв "Портал", я увидел на главной странице звезду Героя Советского Союза. Большую, в правом углу. Ниже стояла ссылка на видеозапись передачи. Я открыл Википедию. В статье обо мне добавилась информация о награде. А на моем фото кто-то прилепил к пиджаку звезду Героя. Я выругался, набрал пароль и убрал безобразие с главной страницы. В Википедии - тоже. А утром увидел все это вновь. Я поехал в офис и собрал заместителей.

- Прекратите заниматься херней! - сказал, стукнув кулаком по столу. - Жополизы! Уволю!

- Не надо ругаться, Сергей Александрович! - улыбнулся Никифоров, мой заместитель. - Никто не лижет. Ребята просто горды. Успешных компаний в мире много. Но ни одну их них не возглавляет такой человек. Вчерашняя передача всех просто убила. Смотрели не по одному разу. Что мы? Число посетителей "Портала" побило все мыслимые рекорды. Форумы кипят. Все спорят, что вы такое сделали, что вам поклонился генерал армии, бывший председатель КГБ СССР?

- И какие версии? - поинтересовался я.

- Самая популярная, что вы инопланетянин, который прибыл на Землю, чтобы спасти нашу цивилизацию.

- Неплохо! - оценил я. - Пусть так остается.

- А на самом деле? - спросил Никифоров. Заместители оживились и уставились на меня.

- Цыц, золотая рота! - озлился я. - Не слышали про секретность?

- Но Сергей Александрович... - протянул Никифоров.

Вот не боятся они меня. Совсем. Распустились.

- Ничего особенного я не сделал. Просто оказался в нужное время в нужном месте. Причем, даже не по своей воле.

- Но генерал... - начал Никифоров.

- Он пожилой человек. В его возрасте люди становятся

чувствительными и сентиментальными. Все, коллеги! Звезду Героя с главной страницы убрать! Гордость гордостью, но это моя награда. И мне решать, где ее показывать. Статью в Вики можно оставить. Все. Закончили!..

- Маринка! Сергей! Идите есть!

Лиля. Не заметил, как время обеда подошло. Маринка, подскакивая, бежит к бабушке. Поесть она любит.

- Сейчас, дорогая!

Достаю смартфон. Надо проверить. Не "Портал" - там все в порядке. Утром заглядывал, просто по привычке. Холдинг тянет Саша Никифоров, мой первый зам. Я в офис не езжу. Старый стал, ленивый. Вру. Саше пора привыкать к самостоятельности. Закончится год - выдвину преемником. Давно пора. А то обидится и сбежит. Где я такого найду? Сам же буду косить газоны и писать мемуары. Имею право - старейший житель планеты, как-никак. 127 лет. Подать, что ли, заявку в книгу рекордов Гиннеса? Три раза "ха-ха".

Вбиваю в поисковую строку браузера "писатель Сергей Девойно". Интернет выбрасывает миллионы ссылок. "Сергей Девойно - медиамагнат"... "Девойно - руководитель "Портала"... Страница, другая, третья... А вот и "писатель Лилия Девойно". Десять, двадцать, тридцать страниц... Любят Лилю читатели. А вот писателя Сергея Девойно в Сети нет. Забыли. Ну, хрен с ним!